

Глава 8

Надеяться, что это шутка и он вот-вот вернется, Таиса не собиралась. Хотел бы пошутить – рассмеялся бы сразу и все-таки подал ей руку. Матвей не был похож на того, кто станет бродить по лесу туда-сюда забавы ради. А вот на психа, который бросит ее здесь одну, – очень даже похож.

Поэтому рассчитывать она могла только на себя, и ей следовало поторопиться: зимний день стремительно догорал, ей не хотелось узнать, почему здесь кто-то кричит в темноте. Таиса еще пару раз попробовала самостоятельно забраться наверх, но все напрасно. Похоже, не так давно была оттепель, сюда просачивалась вода, и отвесные стены покрылись толстой коркой льда. При первой попытке Таиса просто скользнула вниз, при второй почти добралась до края ямы, но в последний момент сорвалась, упала, ударилась плечом. Боль вспыхнула так сильно, что Таиса даже испугалась: не выбила ли сустав? Но нет, рука по-прежнему двигалась свободно, обошлось синяком – и намеком, что нужно вести себя осторожней.

Таиса замерла на месте, огляделась, прикидывая, что еще остается. Позвать на помощь? Из людей поблизости лишь безумная Барабашева, а у нее с «лесными духами» разговор короткий. Только горло на морозе заболит...

Над ямой, далеко наверху, чернели иссохшие корни дерева. Видимо, на их месте и образовалась когда-то эта ловушка. Но до корней Таиса никак не дотянулась бы – хоть прыгай, хоть не прыгай. Она подумывала о том, чтобы слепить себе импровизированную ступеньку из снега, но для этого снега как раз не хватало, да и тот, что упал вместе с ней в яму, был слишком рыхлым для лепки. Ирония.

Пришлось довольствоваться подручными средствами. Таиса стащила с себя куртку, смотала в жгут и попробовала петлей накинуть на корни. С третьей попытки даже получилось – когда мороз, несмотря на постоянное движение, начал покусывать все сильнее. Пальцы под перчатками уже замерзали, Таиса их едва чувствовала, и медлить было нельзя. Убедившись, что куртка хорошо закрепилась на корнях, девушка подтянулась наверх. Это оказалось куда сложнее, чем она ожидала – мешали холод и зимняя одежда, тело стало непривычно тяжелым. Кто-то другой на ее месте не справился бы, а Таису спасала былая спортивная подготовка...

И злость, конечно. Ценный ресурс, которым она умела пользоваться. Когда хотелось поддаться усталости и боли в замерзших пальцах, она вспоминала Матвея, и силы снова накатывали волной. Спасти следовало хотя бы ради того, чтобы придушить этого урода...

Таиса все-таки выбралась. Ей показалось, что прошла вечность, но, судя по солнцу, освобождение из ледяного плена отняло у нее минут пятнадцать. Лес стал золотисто-медным, утопающим в последнем сиянии дня, и выглядело это великолепно, вот только у Таисы совершенно не было настроения любоваться тут пейзажами. Ее еще ожидала долгая дорога обратно в деревню: то, что на машине было двадцатиминутной поездкой, теперь могло обернуться отмороженными пальцами на руках и ногах.

Она поспешила натянуть куртку и направилась обратно к хутору. Идти через лес Таиса в любом случае не собиралась: разница в расстоянии стиралась на фоне снежных заносов и непредсказуемых ловушек. Не говоря уже о том, что где-то здесь убийца бродит! Таиса надеялась, что при свете дня ей еще удастся доказать Барабашевой, что она не злобный дух, ей можно пожаловать право воспользоваться телефоном. Свой мобильный Таиса оставила в машине, так что надеяться можно было только на стационарный аппарат в доме.

Или, по крайней мере, она так думала. Добравшись до хутора, она неожиданно обнаружила, что вести переговоры с безумной старушкой все же не придется. Белый внедорожник по-прежнему стоял на дороге, а у машины с невозмутимым видом дождался Матвей.

Наверное, у него был какой-то план с самого начала. Возможно, даже оправданный. Но разбираться в этом прямо сейчас Таиса не собиралась. Она подошла вплотную к своему спутнику и без единого слова отвесила ему пощечину. Из-за того, что пальцы замерзли и руки она контролировала плохо, удар получился сильнее, чем ожидала Таиса: светлая кожа мгновенно покраснела, маленькие капли крови обозначили место, где скоро набухнет царапина – должно

быть, ногтем рассекло кожу... Сожаления Таиса не чувствовала и извиняться не собиралась, да и Матвей, как ни странно, не упрекнул ее. Хотя мог бы – а мог в ответ ударить так, что она и осталась бы в ближайшем сугробе. Но он этого не сделал, просто посмотрел на Таису все с тем же равнодушием, словно проверяя, закончила она или ей требуется иная разрядка.

– Тебя даже бить нет смысла, – бросила она и поспешила забраться в теплый салон машины до того, как этот псих придумает очередную забаву.

Он точно дожидался только ее, потому что заходить в дом больше не стал, хотя Барабашева все это время с подозрением наблюдала за ними из окна. Матвей сел за руль, и машина плавно двинулась с места.

Говорить вообще не хотелось. Как ни странно, здесь, в хорошо протопленном салоне, до Таисы в полной мере добрался холод зимнего леса. Казалось, что справиться с ним не могла никакая одежда, он проникал прямо под кожу, отзываясь дрожью во всем теле. Ныло ушибленное плечо, пульсировали болью пальцы, пощипывало оцарапанную снегом кожу лица. На фоне всего этого не хотелось ни говорить, ни любоваться лесом, который теперь полыхал золотом и багрянцем – снежный покров будто не отражал солнечные лучи, а впитывал их, меняя цвет.

Матвей то и дело косился на нее, словно ожидая чего-то. Когда стало ясно, что Таиса больше ничего не скажет, он нарушил тишину сам.

– Не хочешь узнать, почему я это сделал?

– Потому что псих долбанутый.

– Не без того, – легко согласился он. – Но и ради получения информации тоже. У вас с погибшей примерно одинаковая комплекция и уровень спортивной подготовки.

– И? Мне из солидарности нужно было умереть в лесу?

– Нет, на твоем примере мне хотелось прикинуть, с какой скоростью она могла двигаться через лес, преодолевая препятствия, которых возле хутора хватает.

– Она не падала в яму!

– Зато была без одежды, – невозмутимо напомнил Матвей. – Это тоже многое усложнило. С учетом скорости и места смерти можно было рассчитать, откуда она начала путь.

– И это все? Ты ожидаешь, что я поверю? Тебе еще и хотелось настоять на своем, показать, что мне здесь не место – ты ведь об этом с самого начала твердишь!

Таиса ожидала, что он начнет все отрицать, указывать, что думал совсем о другом. Однако Матвей согласился неожиданно легко.

– Да. Я хотел показать тебе, что в нашем деле бывает по-всякому. Помогая полиции, мы можем привлечь внимание тех, чей профиль составляем. Это не будет происходить часто... Это может вообще не произойти. Но нужно понимать все варианты, и мне хотелось, чтобы ты в полной мере осознала: это не шутки, не очередное твое хобби. Что бы ты делала, если бы поменялась местами с погибшей?

Захотелось снова его ударить, но он вел машину по скользкой узкой дороге, и Таиса сдерживалась. Ей только и оставалось, что испепелять его взглядом, однако к такому у Матвея давно выработался иммунитет.

– Все твои аргументы – хрень полная. Начиная с твоего желания определить, как двигалась через лес Даша. Да как угодно! Невозможно просчитать, что попалось на ее пути, как она перемещалась, что чувствовала... Наша спортивная подготовка не имеет никакого значения, она была беременна, я – нет, на этом можно поставить точку. А если бы даже твой дурацкий эксперимент удался, что очень вряд ли, и ты бы получил некое расстояние... Что с того? Ну, допустим, ты знаешь, что она пробежала пятьсот метров. Дальше что? Убийца мог гнать ее с любой стороны, метель замела следы, это тебе ничего не дает! Так что давай правильно расставим приоритеты: твоей главной целью было макнуть меня лицом в снег, вывести на истерику и заставить сегодня же удрать в Москву, подальше и от расследований, и от Форсова. Я ведь права?

Если бы Таиса позволила себе хоть немного повысить голос, можно было считать, что Матвей преуспел. Поэтому, как бы плохо ей ни было, она сдерживалась из последних сил, ее речь

звучала спокойно и ровно. Как будто Таиса просто села в машину, а не только что выбралась из ледяной ямы.

Матвей ничего не ответил ей, но, судя по заинтересованному взгляду, оценил.

– Но ты даже с этой частью своего эксперимента облажался, потому что условия были заданы неверно, – продолжила Таиса. – Я действовала, исходя из нынешней ситуации: меня бросил в лесу один дегенерат, который сам по себе не был для меня угрозой.

– Этого ты знать не могла.

– Ой, молчи, пока не придушила! Если бы я оказалась на месте Даши, поведение было бы другим, угрозы было бы как минимум две – мороз и тот, кто за мной охотится. С морозом не договоришься, пришлось бы по большей части двигаться, но именно этого и ожидал бы убийца – что я побегу от него. Я же стала бы искать способ бежать ему навстречу.

Вот теперь она удивила Матвея настолько, что он даже не смог этого скрыть.

– Зачем? Он бы убил тебя!

– Ну не прямо на него! Мне нужно было бы каким-то образом обогнать его, затаиться, ожидая, пока он пройдет мимо. Тут есть где спрятаться, убийца вряд ли ожидает такого. И если бы я не умерла от обморожения, я могла бы бежать к той точке, с которой началось преследование.

– Почему именно туда?

– В подобной ситуации всего два безопасных пути: к людям или туда. Но к людям он бы меня не пустил, это ожидаемо. Так ведь сам он не на парашюте спустился! Он как-то добрался до этой части леса. В точке начала должен быть транспорт и, если очень повезет, запасная одежда. Может, я бы даже нашла свою одежду, он же преследовал меня, а не избавлялся от моих вещей! Понятно, что везде идет поправка на ситуацию. Но я бы действовала с четким пониманием своей цели, а не просто каталась по ледяному склону! Знаешь, как я все это вижу? Тебя задело то, что твой наставник проигнорировал твое мнение, вот ты и решил отыграться на мне. Не выйдет! Я никуда не уйду, ты просто усложнил всем нам совместную работу.

Матвей только фыркнул, он не стал доказывать, что она все не так поняла – но не стал и извиняться. Таиса не ожидала от него такого, несложно было определить, что он одиночка. Она просто отметила для себя, что доверять ему не стоит.

В деревне она покинула машину, так и не сказав ни слова. Зашла в кафе в надежде пересечься там с Гариком, но он и Елена пока не вернулись. За прилавком хозяином был муж Елены, Андрей, он был мил и приветлив, однако после событий сегодняшнего дня Таисе становилось не по себе от общения с этим гигантом – в памяти снова появлялся темный силуэт на краю ямы. Андрей и Матвей были чем-то похожи, это и объясняло инстинктивную неприязнь к нему. Таису сейчас даже мелкий Григорий Серенко так не раздражал! Впрочем, домовладелец пока затаился, он больше не строил из себя альфа-самца, хоть об этом можно было не переживать.

Таиса направилась в свой временный дом, сразу забралась под душ. Хотелось наконец изгнать из себя этот проклятый холод, который, скорее всего, был лишь одним из обличий страха... Получалось паршиво: вода в доме нагревалась бойлером, а это означало слабый напор и не самую высокую температуру. Таиса с удовольствием бы простояла под раскаленным потоком не меньше часа, однако минут через двадцать вода стала совсем холодной, пришлось выбираться. Пожалуй, нужно было поплакать, чтобы выпустить стресс, но плакать почему-то не хотелось.

Она собиралась позвонить Гарике, чтобы узнать, все ли у него в порядке, когда пришло текстовое сообщение от Форсова. Ее новоявленный наставник наконец решил проявить себя и требовал видеочата. Отказываться Таиса не стала – ее положение все еще было нестабильным, и плохое настроение вряд ли могло служить оправданием для лени.

Сегодня Форсов выглядел куда лучше, чем прежде: видимо, лекарства и покой помогали. А может, он и сам не осознавал, насколько ему полезно оказаться вдали от своих учеников. Он снова изображал доброго улыбчивого дядюшку, хотя Таиса знала его достаточно хорошо, чтобы определить: это всего лишь маска.

– Таечка, дорогая моя, как дела? Как все проходит?

— Здравствуйте, Николай Сергеевич. Вы не тот человек, который будет тратить свое время на простое «как дела». И звонок совпал очень уж удачно... Он ведь рассказал вам, да?

Форсов, к его чести, настаивать на продолжении бодрой клоунады не стал, он мигом посеръезнел.

— Да, Матвей упомянул, что сегодня произошел некий... инцидент.

— Надеюсь, во всех деталях упомянул? Потому что я не хотела бы возвращаться к этому «инциденту» без возможности отрезать Матвею ногу. А поскольку такой возможности у меня нет, говорить тут особо не о чем.

— Пусть так, но кое-что я бы хотел отметить... Я понимаю, чем руководствовался Матвей, потому что хорошо его знаю. Но я не согласен с выбранным им методом и выводами. Дело в том, что Матвей — человек с непростой историей...

— Я знаю, — прервала Таиса. — Простите, невежливо получилось, но я не готова обсуждать его безусловно грустную биографию. Мне уже Гарик намекал, что там было нечто страшное, и я согласна поверить и посочувствовать. Но, что бы ни случилось с ним в прошлом, это не дает ему права поступать так со мной в настоящем. Я вообще не имею отношения к его проблемам, нечего на мне свои комплексы вымешивать!

— Я его не оправдываю, просто понимаю, почему он ведет себя так, а не иначе. Это примерно то же самое, что знать повадки дикого зверя. Впрочем, оставим эту тему. Мне важно другое: я вижу, что ты настроена серьезно, и хотел напомнить, что твой наставник я, а не Матвей, и только я могу оценивать твои успехи.

— К сожалению, нечего тут оценивать. Иногда мне кажется, что мы слишком зациклились на Даше... Может, лучше было бы отойти от ее личности и больше внимания уделить тому лесу?

— Нет, судя по отчету Матвея, вы все делаете правильно, — указал Форсов. — И, хотя вы продвигаетесь вперед не так быстро, как хотелось бы, прогресс все равно есть, это главное. Что такое профайлинг? Это составление портрета убийцы на основе четко обозначенных характеристик, а не гадания на кофейной гуще. И профиль всегда начинается с жертвы.

— Это я уже поняла, — вздохнула Таиса. — Я не отрицаю, что личность Даши задает какие-то правила игры... Но раз у нас нет четких подозреваемых, можно уже перейти к пункту номер два? Может, он даст больше подсказок?

— В этот раз не получится. У вас просто нет пункта номер два, — невозмутимо отозвался Форсов.

Такого Таиса не ожидала, она нахмурилась, прикидывая, как можно понять его слова. Но значение было всего одно, ясности оно не добавляло, пришлось задавать вопрос:

— Почему?

— Потому что второй пункт — место преступления. Оно — история в себе. Каким было орудие убийства? Близкий убийца предпочитает контакт или стреляет издалека? Насколько сложным или простым для себя он сделал это преступление? Как зачистил следы? Бросил ли он вызов самому себе? Хотел ли поиздеваться над полицией или боялся ее? Но...

— Но тут у нас нет места преступления, — обреченно признала Таиса. — Я поняла...

Вроде как все было на виду, а задумалась она об этом впервые. Дашу Виноградову не убили. Хотели убить — в случайную смерть заблудившейся девушки Таиса давно уже не верила. Но Даша сумела спастись, она погибла из-за преступника, однако не непосредственно от его рук. Значит, и метод убийства, и орудие, и уровень жестокости остались неизвестными. Даже сексуальное отношение убийцы к жертве было под вопросом: возможно, он хотел изнасиловать ее, просто не успел.

А раз не было места убийства, не было ни улик, ни отношения к полиции, ни указаний на уровень мастерства преступника.

— Первый пункт есть всегда, — подсказал Форсов. — Нет, бывают единичные случаи, когда известно, что произошло преступление, но непонятно, кто жертва. Однако исключения лишь подчеркивают точность правила. Наличие жертвы позволяет говорить об убийце. Это — реальность, то, что уже получено, точка опоры. Как вы могли убедиться на примере Виноградовой, хорошая точка, способная дать очень много. Место преступления, второй пункт,

дополняет первый, но полностью заменить не может. И уже на основании первых пунктов вы переходите к следующим.

– Это каким же?

– Внимательно осмотрев место преступления и изучив, какую жертву убийца себе выбрал, можно определить уровень его организованности, – пояснил Форсов. – Традиционно мы выделяем три типа: организованный, неорганизованный и смешанный. Но те данные, которые пока собрали вы, подходят всем трем типам.

– Даже неорганизованному? – засомневалась Таиса. – Условия намекают, что он уговорил Дашу сесть в машину, она абы к кому добровольно не пошла бы...

– Вы в этом уверены? Вы полностью исключили обстоятельства, при которых убийца, если он вообще был, мог увидеть ее случайно и принять решение о нападении в тот же момент?

– Нет...

– Вот именно. Под конец, уже собрав достаточно данных о преступнике, вы по возможности моделируете его поведение перед атакой и после. Далее вы проверяете, не совершил ли кто-то из подозреваемых такие или похожие действия, часто это помогает. Но мы к такому этапу даже не приблизились.

– Ну и что тогда делать?

– То, о чем я вас всех просил в самом начале: работать вместе. У вас действительно разные подходы, но это хорошо. Изучив что-то с разных сторон, вам проще будет нарисовать объемную картину. Ты и Матвей – талантливые профайлеры. Гарик в этом уступает вам, но он отлично собирает данные, пусть и порой откровенно уголовными методами – никак не могу его отучить. Встречайтесь чаще, обменивайтесь мнениями. У вас там не соревнования, ваша задача – найти преступника. Или ты не готова теперь работать с Матвеем?

В памяти снова мелькнула ледяная яма, снег, окрашенный лучами заката... Вернулся внутренний холод, но отогнать его на этот раз было несложно, Таиса окончательно пришла в себя.

– Нет, я справлюсь. Но я оставляю за собой право называть его мудилой, если он того заслуживает.

Форсов еле заметно улыбнулся.

– Это – сколько угодно. Я даже не буду расстраивать тебя тем, что оскорблений как таковые его не волнуют. И вот еще что... когда я отправлял вас туда, я не был уверен, что возле Змеегорья действительно произошло преступление. Но теперь вы собрали достаточно данных, чтобы определить: Дарья Виноградова погибла не случайно. Этим вы не только приблизились к истине, но и, возможно, потревожили преступника, поэтому я прошу: будьте предельно осторожны... Думаю, он все еще рядом.

***

Матвей прекрасно понимал, что поступил правильно, так, как следовало. То, что новенькая осталась, – тоже неплохой результат. У Матвея не было цели обязательно ее спугнуть, ему просто хотелось ее испытать, и теперь он мог доверять ей чуть больше, чем раньше.

На этом история могла считаться завершенной, если бы не неприятное ощущение, засевшее где-то внутри. Подозрительно похожее на чувство вины, а потому раздражающее. Матвей игнорировал его, как комара, жужжащего возле уха, но... кому добавляет радости комариный писк?

Он заставил себя отстраниться от этого, решил, что все растворится во времени. Сейчас и он, и Таиса могли спокойно сидеть за одним столом, этого было достаточно.

– Чуть не спалился, – бодро рассказывал Гарик. – Еще чуть-чуть – и выкупали бы вы меня теперь у полиции!

– Или не выкупали, – пожал плечами Матвей. – Разница в одни сутки – и они сами бы доплатили нам за то, чтобы мы тебя забрали.

– Та женщина увидела, что ты крал данные? – удивилась Таиса.

– Нет, если бы она увидела, я бы точно не выкрутился. Она решила, что я за деньгами влез. Ну, по этому пункту я ее легко разубедил – денег у меня своих хватает.

В кабинете Гарика застукала начальница отдела продаж. Она была старше своих подчиненных и непередаваемо умнее, поэтому она догадалась, что эти малолетки побегут смотреть на пожар, побросав оборудование без присмотра. Да, деньги, оставленные клиентами, были надежно заперты в сейфе... Так ведь и сейфы при должном усердии меняют хозяев!

Так что в комнату она входила уже настороженной – и неожиданно обнаружила возле включенного компьютера с базой данных клиентов незнакомого мужчину. Вот тогда и повеяло привлечением полиции.

Кто-то другой смущился бы и начал извиняться, но Гарик остался собой: он сразу перешел в наступление. Он возмущенно отчитал продажницу за то, что ему не позволили забронировать домик в Охотничьей Усадьбе. По телефону ему сказали, что все занято. А он приезжает – и вот, пожалуйста, свободно почти все! Почему у них пожар и база данных на компьютере открыта – он не знает, он только что вошел. Вероятнее всего, это очередное подтверждение их некомпетентности. Он, Гарик, будет жаловаться везде, где только согласятся его слушать.

В итоге его не вышвырнули вон, а проводили с извинениями, пообещав обязательно ему позвонить, когда освободится место.

Естественно, они без труда вычислили, кто привез его на территорию Усадьбы. Елену еще ожидал выговор, и она была совсем не рада тому, что Гарик так бесцеремонно ее подставил. Но к серьезным проблемам это привести не могло: поблизости не было других талантливых поваров, так что сотрудничеству с кафе предстояло продолжиться. Да и Гарик щедро компенсировал своей спутнице испорченное настроение, поэтому шансы плевка им в суп резко понижались.

– И что, та начальница реально не заметила, как ты диск в карман прячешь? – поразилась Таиса. – Я имею в виду... Это же не маковое зернышко, он большой, от него еще провод тянется! Как ты умудрился?

– Он вор, – коротко пояснил Матвей. Хотелось проверить, как настроена к нему Таиса. То, что она даже не посмотрела в его сторону, можно было считать ответом.

– Я предпочитаю термин «мастер альтернативных искусств», – хмыкнул Гарик. – Я много что умею, если нужно. Слушайте, мы ищем убийцу, это дает нам определенные послабления!

– Закон так не работает, – напомнила Таиса. – Но, полагаю, до тех пор, пока нет доказательств – не считается... Дымовую шашку с тобой не свяжут?

– Сначала я опасался, что могут связать. Но потом я просмотрел их базу данных, обнаружил, какие дегенераты арендуют там домики, и эта версия отпала. Шашку наверняка сочтут забавами кого-то из гостей.

– Судя по твоим намекам, база данных состоит не из одних лишь охотников? – поинтересовался Матвей.

Гарик, вернувшись, вызвал их на встречу не сразу. Матвей даже не брался сказать, когда он прибыл в деревню – его машина все это времяостояла на том же месте. Но когда он позвал их к себе, время на часах близилось к одиннадцати вечера, кафе было закрыто. Это к лучшему: такое безопасней обсуждать в уединении. Да и потом, даже после получения компенсации Елена наверняка начала бы присматриваться к ним внимательней.

– Восхищайтесь: я изучил список их клиентов, определил постоянных и нашел их всех в соцсетях, – объявил Гарик. – Цветы складывайте по правую сторону от героя, дары – по левую!

– А куда положить аргумент о том, что нам подходят не только постоянные клиенты? – вкрадчиво спросила Таиса.

– Девочка с заправки сказала, что предполагаемый возлюбленный навещал Дашу часто, да и беременна она была три месяца примерно... А чтобы она забеременела таким замысловатым способом, встречаться они должны были начать еще раньше.

– Но мы ведь не знаем, связано это с ее беременностью или нет!

– Все равно лучше с постоянных клиентов, – вмешался Матвей. – Судя по выбранному методу расправы, нападавший знал эти места, знал, в какой именно лес отвезти Виноградову. Он не ожидал, что она сумеет забраться на дерево, но в остальном он все рассчитал неплохо. Подобными знаниями обладают или местные, или регулярные гости. К тому же мы должны учесть показания Барабашевой, которая утверждает, что в лесу подобное уже было.

— А еще она утверждает, что за этим стоят мутанты, которые вывелись на ферме из-за радиоактивных отходов, — проворчала Таиса.

— Похоже, я там у вас пропустил какую-то охренительную историю, — присвистнул Гарик.

— Это можно обсудить позже. Давайте по делу. Что тебе удалось выяснить о постоянных клиентах?

— Типажи там вырисовываются довольно четко. Первые — это как раз охотники. Ну, из тех, что закупятся оружием на бюджет какой-нибудь маленькой африканской страны, расстреляют маму Бэмби из надежного укрытия, а потом сделают сотню фото с мертвым телом. Им тут нравится, дичи в лесах действительно хватает. Но они приезжают не чаще двух раз в год, держатся сами по себе и нам особо не интересны.

— Тогда зачем о них столько говорить? — удивилась Таиса.

— Чтобы ты поняла, как он осуждает насилие, — равнодушно подсказал Матвей. — Элемент флирта.

— Все поумничали? — полюбопытствовал Гарик. — Тогда едем дальше. Вторые — это типа охотники, также известные как селфи-охотники. Эти тоже покупают себе красивые блестящие ружьишки и наряды по последней моде. Но в лес, судя по фото и общему нетрезвому виду, не суются, предпочитают тусить на территории Усадьбы. Много понтов, но реальных трофеев никогда нет. Плюс в базе данных отдела продаж указано, что они заказывают очень много дополнительных услуг, в основном алкоголь, еду в номер и массаж.

— Что, обходится без проституток? — спросила Таиса.

— А они не водятся в Охотничьей Усадьбе. Собственный штат содержать дорого, постоянные клиенты об этом знают и приезжают со своим.

— Как это все оформляется? — уточнил Матвей. — Что, все идут как охотники?

— Нет, чтобы быть охотником, нужно иметь лицензию, хотя бы с этим в Усадьбе строго. Но при желании зарегистрированные гости могут купить так называемый подарочный сертификат. По нему они приводят любого человека под свою ответственность. Что любопытно, данных о таких «сертификатных посетителях» в базе вообще нет. Видимо, уважаемые клиенты не хотят, чтобы их ассоциировали с теми, кого они притащили. Но такая публика никогда не остается в одиночестве.

— И даже если бы потенциальный убийца был там, за ним постоянно наблюдала бы его верная путана, — задумалась Таиса. — Он не мог быть уверен, что она не проболтается или не догадается о чем-то. Короче, подозреваемые из них сомнительные...

— Это да, плюс не тот типаж для таких забав. Нам куда интересней кое-кто еще, вам понравится! Среди постоянных клиентов есть группка молодняка, которая всегда приезжает вчетвером. Как «Битлз», только извращенцы.

— Под молодняком ты подразумеваешь своих ровесников? — осведомился Матвей.

— Нет, на сей раз буквально молодняк — от двадцати одного года до двадцати трех лет. Трое студенты, выходцы из очень богатых семей, из тех, кто рождается — а ему сразу вместо соски золотой слиток дают.

— Не слишком гигиенично, — поморщилась Таиса.

— Потому они и вырастают такими злобными обычно. Четвертый в их компашке — популярный блогер, этот родился не в мешок с деньгами, а в лульку, но немало заработал на том, что кривлялся на камеру, и его приняли в кружок по интересам. Так вот... Формально у них есть охотничьи лицензии, но не похоже, что они пользуются этим.

— С чего ты взял?

— Так из соцсетей же! Эта публика из тех, кто пишет отдельный пост про, пардон, каждый свой высер. Но про Охотничу Усадьбу они не писали никогда, не делали тут ни одного фото. Понимаете, да? С точки зрения тусовки, это шикарный инфоповод, уникальная локация, а в их любимых сеточках — гнетущая тишина. Ни одного фото со столетней елкой, ни одного селфи с пивасиком.

— А пивасик-то почему нельзя вывесить? — смутилась Таиса.

Матвей опередил Гарика с ответом:

– Чтобы избежать простановки геолокации. Ее можно отключить вручную, но они не собирались рисковать. Такое делают только в случаях, когда очень хотят скрыть свое присутствие где-то. И чтобы так поступали все четверо, включая блогера, для которого съемки – источник дохода... Понимаю, почему ты их выделил.

– Так это еще не все, подожди, ты пока самое интересное не услышал!

Фотографий с оружием у этой четверки тоже не было, хотя в остальном они вовсе не стремились прослыть хорошими мальчиками. Они гоняли по ночному городу и снимали это на видео, курили непонятно что, получали штрафы – которые легко оплачивали из родительского кармана. Они не очень-то боялись проблем с законом и только во время визитов в Охотничью Усадьбу старались не нарываться. Видимо, там происходило нечто такое, что даже в их мире вызывало определенные опасения.

А еще они никогда не приезжали одни, они брали сертификаты, но только один-два, не больше – на четверых. Естественно, в базе данных не было указано, кого они с собой привозили. Но догадаться было не так уж сложно – если судить по тому, что рассказывали о них социальные сети.

– Теперь держите вишенку на торте, – объявил Гарик. – Они сейчас здесь. Приехали за несколько дней до смерти Даши. Они, в отличие от остальных, бывают в Усадьбе очень часто – не меньше четырех-пяти раз в год.

– Это все равно меньше, чем те встречи, о которых говорила коллега Даши, – заметила Таиса.

– Как будто она вела толковую статистику! Она и сама не была уверена в том, насколько часто это происходило. Если они все четверо приезжали на одной машине, для собственных нужд они вполне могли брать арендные автомобили.

– Да, но... Даша была осторожной, она не искала спонсора. Разве могла она замутить с кем-то из них?

– Со всеми четырьмя и ради денег – нет, конечно. А с кем-то одним и по любви – запросто.

Тут Матвей был солидарен с Гариком. Виноградова сразу отказалась бы от общения с немолодым богатым «папиком», такие наверняка наведывались на заправку. Другое дело – парни, которые немногим ее старше. Если это был кто-то привлекательный, умеющий очаровать... Почему нет?

И все же...

– Она не была изнасилована, – указал Матвей. – В их случае я бы предположил обязательное изнасилование перед убийством.

– Так может, к этому все и шло – она же голой была! – напомнила Таиса. – Мы предполагали, что кто-то заставил ее бегать голой по лесу. Но что, если раздели ее для куда более предсказуемых целей? А она сумела удрать. Смотрите, как вам такой вариант... Дашу встретил у работы ее возлюбленный, она села к нему в машину, сказала про беременность...

– Она же не знала!

– К тому моменту могла узнать – достаточно тест сделать, все-таки не безграмотная девица из пятнадцатого века! Понятно, что ее нереальность происходящего сдерживала, но и симптомы игнорировать нельзя... Короче, она сказала ему, что беременна. Он запаниковал – ему такое не нужно, иначе он не согласился бы на игрища в «безопасный секс». Он позвонил друзьям, они предложили помочь, он повез ее не домой, а в лес, и все закрутилось...

– Не сходится, – покачал головой Матвей.

– Тебе так хочется мне возразить?

– Нет, мне хочется напомнить, что у нее на теле не было следов сопротивления. Виноградова не могла точно знать, что у нее появится возможность убежать уже голой. Она должна была оказать сопротивление сразу, как только речь зашла о предательстве, это больше в ее характере.

Матвей ожидал, что Таиса продолжит спорить – просто из принципа. Однако она задумалась, оценивая его слова, потом кивнула.

– Пожалуй, ты прав... И мы снова в тупике.

– Не совсем уже в тупике, – возразил Гарик. – Версия у тебя не то чтобы корявая в ноль, просто ее разрабатывать нужно. Не знаю, как у вас, а у меня на это сил вообще нет, я сегодня задолбался.

– Падение в ледяную яму тоже энергии не добавляет, – сухо сообщила Таиса.

– Так давайте же закончим этот день и все, что требует умственной деятельности, отложим на завтра.

Матвей никакой усталости не чувствовал, но настаивать на продолжении разговора не собирался. Он видел, что его спутники измотаны, в таком состоянии от них не будет толку. А работы им предстояло много: Гарик узнал о четырех постоянных клиентах лишь то, что делало их самыми вероятными подозреваемыми. Теперь нужна была более-менее полная биография, чтобы составить психологические портреты и понять, мог ли хоть кто-то из них внушить девятнадцатилетней девушке такой ужас, что она чуть ли не за предел человеческих возможностей шагнула, спасаясь от него.

Они разошлись, каждый направился к себе. Скоро Матвей уже был в постели – жизнь научила пользоваться любой возможностью отдыха, никогда ведь не знаешь, когда следующая выпадет. Он надеялся, что этой ночью получится заснуть быстро и обойтись без сновидений.

Куда там! Память атаковала его почти сразу. Она засыпала его фрагментами прошлого, которые непостижимым образом сливались со странными, искаженными картинками сегодняшнего дня. То, что было много лет назад, и то, что случилось вечером. Бетон, залитый кровью. Девушка среди снега и льда. Одно не имело никакого отношения к другому, но страх питался всеми образами, за которые мог зацепиться.

В какой-то момент оставаться в постели стало невыносимо. Матвею показалось, что он снова не на своей территории, а там, в прошлом – плоско на спине, в глаза бьет яркий свет, лампа качается… Он поднялся так резко, что закружилась голова. Может, это и было глупо, но Матвею нужно было убедиться, что тело не парализовано, не связано, оно все еще подчиняется ему.

Он не стал включать свет, темноты как таковой он не боялся – только того, что могло в ней скрываться. Но чувство реальности вернулось, он снова был уверен, что находится в арендованном доме, он выбрался из того места, которое так ловко использует память…

Матвей прошелся по своему временному жилищу, выглянув наружу. Свет фонарей сюда почти не долетал, зато в ясном небе горели мелкие зимние звезды. Деревня спала – время приближалось к двум ночи, здесь иных занятий для такого часа и не было.

Жители столицы, конечно, привыкли к другому ритму, но предел был даже для них. Гарик вполне мог заниматься непонятно чем ночи напролет, однако теперь окна его дома были темными. Не горел свет и в окнах Таисы… На них взгляд почему-то задержался сам собой. Сначала Матвей не понял, почему, решил, что его одолела все та же необъяснимая сентиментальность. Однако спустя пару секунд до него дошло, что его инстинкты сработали куда лучше.

Кто-то притаился под ее окном.

В скромном свете звезд темный силуэт едва просматривался. Если бы он не двигался, его можно было принять за какое-нибудь дерево, а то и вовсе тень. Однако на месте он не остался, направился к двери, и стало понятно, что там находится взрослый мужчина.

Это не могло быть нормально, никак, и Матвей не собирался даже думать, как это понимать – нужно было действовать. Их дома располагались по соседству, но две двери отделяли друг от друга метров двадцать дворовой территории. Матвей спешил, как мог… и все равно опоздал.

Когда он добрался до дома Таисы, входная дверь была распахнута, а темный силуэт скрылся внутри. Он что, такой же талантливый взломщик, как Гарик? Замки на дверях были неплохие, они должны были задержать его дольше… если у него, конечно, не было ключа.

Матвей снова не позволил удивлению остановить его. Он как раз готовился войти, когда в доме послышался какой-то грохот, а секундой позже вспыхнул свет. Сердце испуганно замерло, он поспешил вперед, готовясь к худшему…

Но все оказалось не так страшно, как он представлял. Таиса не лежала на полу, она, облаченная в забавную пижаму, стояла над валяющимся перед ней телом. В теле без труда

узнавался Григорий Серенко, ныне постанывающий от боли, хоть и не лишившийся сознания. Осколки большой глиняной вазы намекали, как он дошел до такого состояния.

Таиса, сначала рассматривавшая незваного гостя, теперь подняла взгляд на Матвея – и испуганной она не выглядела.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

– Я его из окна заметил... Случайно... Ты как сумела вообще?

– Я чутко сплю, а дверь скрипит. Когда я осознала, что в два часа ночи ко мне одолживать соль не ходят, я решила выразить свое недовольство... Вот так. А ты тему не меняй! То есть сейчас ты прискакал меня спасать, но, когда я реально об этом просила, – свалил?

– Несравнимые ситуации, – возразил Матвей. – В лесу все было под моим контролем. Того, что произошло здесь, никто не ожидал.

– Я ожидала, если честно... Потому и вазу у дверей поставила – она была такая уродливая, что годилась только для самообороны. Я допускала, что он может прийти. Что бы там ни говорила Лена, он не прекращал на меня плятиться.

– Я по делу! – простонал Серенко. – По делу... Я знал, что вы заняты расследованием... Хотел проверить, как много вы нашли... Зачем вот так делать надо было?!

– Чтобы приучить тебя приходить днем и по записи, – парировала Таиса.

– Это мой дом!

– Погугли, как работает сдача в аренду!

– Это сейчас не главное, – заметил Матвей. Он подошел ближе и посмотрел на пытающегося подняться Серенко, но помочь не предложил. – На кой тебе знать, что мы нашли?

– Проверить хотел, насколько вы компетентны... Проверил... на свою голову! Чуть не убили меня... Я такое терпеть не собираюсь!

– Можем вызвать полицию, – предложила Таиса. – Посмотрим, кого они сочтут виноватым.

– Не надо полицию... Я не с ними хотел поговорить, а с вами... Хотел сказать про мертвую женщину в лесу... Боже, у меня кровь идет! – Серенко с ужасом уставился на чуть испачканные алым пальцы. – Смотрите, это же кровь!

– Не умрешь, – заверил его Матвей. – Не меняй тему! Про какую еще женщину? Про Дарью Виноградову? Хотел проверить, знаем ли мы все, что знаешь ты...

– Да не про Дашку, будь она неладна! Про другую... В лесу лежит вторая мертвая женщина. И про нее, похоже, знаю только я...

Глава 9

Со стороны наверняка казалось, что она не особо задета случившимся – так, маленькая неприятность произошла, не более! Сыграть получилось так убедительно, что даже Матвей поверили... а может, ему было все равно. Жаль, что себя убедить оказалось гораздо сложнее.

Таиса понятия не имела, сколько сил у нее еще осталось, выдержит ли она вообще это задание до конца. Желание по-прежнему было. Все остальное успеху не способствовало.

Добравшись домой после этого дикого, как будто бесконечного дня, она надеялась поскорее заснуть. И ведь должна была – она действительно устала! Но ее тело почему-то считало иначе. По мышцам по-прежнему волнами скользило напряжение, недавний стресс не желал ослаблять хватку. Из-за размышлений о том, что ей нужен отдых, однако отдыха нет, Таиса еще больше нервничала. Она ворочалась с боку на бок, ожидая, когда все придет в норму.

Именно поэтому она не упустила скрип входной двери. Тут она чуть исказила правду: Таиса спала чутко, но не настолько чутко. А скрип в тишине показался ей громом среди ясного неба. Она и без того была насторожена, теперь же ее будто ледяной водой облили, из кровати она выскользнула мгновенно. Готовилась бежать – ей показалось, что сбылись мрачные прогнозы Матвея, за ней действительно пришел лесной убийца. Таиса по-прежнему считала верной ту стратегию, о которой говорила в машине: нужно двигаться в неожиданную для него сторону.

Но для этого требовалось добраться до двери, и она кралась вдоль стен, как перепуганная мышь. Выглянула в прихожую, увидела незваного гостя и... узнала его. Не разглядела, конечно, слишком уж темно было в доме. Но он все еще стоял у распахнутой двери, из которой веяло зимним холодом. В скромном свете звезд можно было разглядеть его силуэт, определить рост – в соотношении с дверным проемом. Вот тогда и стало понятно, что пришел за ней невысокий мужчина, а как раз такой давно уже проявлял к ней ненужное внимание...

Таиса почувствовала, как страх в ее душе сменяется злостью. Причем злость эта была куда сильнее, чем заслуживал Серенко. Ему в этот момент предстояло расплатиться и за свои масляные взгляды, и за выходку Матвея, и за весь белый свет.

Так что вазу ему на голову Таиса обрушила без сомнений. В том, что она не убьет хозяина дома, девушка не сомневалась: слишком уж тонкой и легкой для этого была глина. Риск был скорее в другом – в том, что удар получится недостаточно сильным. Тогда Серенко даже сознание не потеряет, он наверняка захочет отыграться.

Отчасти ее худшие прогнозы сбылись, он действительно быстро пришел в себя. Но его недовольство стало уже не важным, потому что появился Матвей. Этого Таиса точно не ожидала – что он, такой здоровенный, сумеет проскользнуть в дом неслышной тенью. В два часа ночи. Полностью одетый. С чего бы вообще?

Впрочем, любые вопросы отходили на второй план по сравнению с тем, что он все-таки пришел и ей больше не нужно было разбираться с этим бардаком одной. Хотелось обнять его, но Матвей оставался Матвеем, и она сдерживалась, сделав вид, что и так была готова ко всему.

Матвей кое-как объяснил ей, что привело его в ее дом, но Таиса все равно не поняла, почему он не спал в такое время. Будто готовился к выходу! Впрочем, ее это не волновало. Она отправилась переодеваться, потому что сейчас в доме несложно было замерзнуть. Серенко она оставила под присмотром Матвея: по сравнению со своим охранником хозяин дома казался каким-то особенно маленьким и жалким, почти ребенком. Он с кресла встать боялся, не то что на побег решиться... Да и потом, раз уж он осмелился заговорить о главном, отступать было поздно.

Пока Таиса приводила себя в порядок, Матвей звонил Гарике и объяснял только что проснувшемуся человеку, – хоть кто-то в их компании психологически стабилен! – почему нужно бежать в чужой дом посреди ночи и при чем тут Серенко.

Очень скоро они были в сборе, дверь снова заперли, у порога грязными лужами растекался тающий снег. Таиса увеличила в доме отопление и заварила крепкий кофе. Безумный день не желал заканчиваться.

— Так почему он здесь? — зевая, поинтересовался Гарик. — Я думал, он кастрат и дохлые животные интересуют его больше, чем Тая...

— Я кастрат?! — взвился на ноги Серенко. — Это я-то кастрат?! Да я сейчас покажу!..

Он действительно принял расстегивать брюки, но Матвей одним небрежным, почти ленивым движением швырнулся обратно в кресло.

— Сиди смирно, сам потом полюбушься. Сейчас твоя задача — рассказать, какого хрена ты здесь делал. Ну и в процессе можешь плавно перейти к мертвой женщине в лесу.

— Думаю, с нее лучше начать, — вздохнул Серенко. — Ох, как знал, что бед отхвачу...

Он так и не сказал, были ли слова Елены о его травме правдой. Но судя по его взгляду, по осторожному выбору фраз, хозяйка кафе не обманула. Однажды зимой с Григорием Серенко действительно произошло несчастье, четко разделившее его жизнь на «до» и «после».

В новой реальности он старался не оставлять себе свободного времени, потому что тогда подкрадывались мысли, к которым он не был готов. Таиса не могла не отметить, что ему, по-хорошему, сразу следовало бы обратиться к психологу, с таким грузом почти нереально справиться без поддержки. Однако Серенко, всю жизнь проживший в деревне, психологическую помощь не признавал как явление.

Он все время занимал себя чем-то. Встречал гостей, убирал и ремонтировал принадлежащие ему дома, охотился, а порой просто бродил по лесам, думая о том, что его окружает, а не о том, что с ним происходит.

В одну из таких прогулок он и нашел труп.

— Дело было у фермы, — сказал он. — Вы же знаете про нашу ферму?

— Заброшенную?

— Ну да. Но от того, что она заброшенная, она же не исчезает... Она близко к деревне, многие через нее ходят. Вот и я пошел. Это в ноябре, кажется, было... Скоро выпал снег, а тогда еще не было, но уже похолодало. Я споткнулся, упал в грязь, подошел к озеру, чтобы вымыть руки... Тогда и увидел...

Он замолчал, и Таисе пришлось подсказать ему:

— Тело?

— Что-то. Я увидел что-то. Я до сих пор не уверен, что это было.

Тут Серенко определенно кривил душой. Сложно было представить «что-то» похожее на мертвое тело молодой женщины. Труп почти затерялся среди коряг, был частично покрыт грязью, поэтому охотник и позволил себе спасительную неуверенность. Вдруг померещилось? Вдруг тряпку к берегу прибило? Или еще что-то...

Он попросту испугался. Серенко показалось: если он вызовет полицию, его обязательно обвинят в преступлении. Он же идеально подходит! Одинокий, мрачный, с женщинами по понятным причинам не ладит... Да и вообще, труп ли это? Если какая-нибудь кукла, брошенная городскими, его только на смех поднимут!

— Тогда я и решил подождать, — признал он.

— Чего именно тут можно ждать?

— Когда мертвую женщину найдет кто-нибудь другой. К ферме ведь пусть и редко, но ходят люди! Другие охотники. Городские приезжают и пикники устраивают. Девки наши местные фотографироваться ходят, нравится им у озер! Их-то никто не заподозрит... Я надеялся, что с этим разберутся они.

Время шло, а труп так никто и не обнаружил. Скоро выпал снег, и Серенко сообразил, что озеро наверняка схватилось льдом хотя бы у берегов. Теперь уже увидеть тело случайно было невозможно, нужно было намеренно копать.

Моральная дилемма, перед которой он оказался, стала еще сложнее. Серенко изначально боялся, что полиция отнесется к нему недоверчиво. Теперь у них возникло бы еще больше вопросов. Может, он нашел труп, потому что сам оставил там женщину? Случайно ведь такое обнаружить под снегом невозможно! А если нашел до снега, почему молчал? Заметал следы? Помогал кому-то?

Он хотел обо всем забыть, но забыть не получалось. Страх в нем боролся с совестью. Серенко слишком хорошо понимал: весной, когда труп снова проявится, улик там вообще не останется... если они еще есть. Получилось так, что он сам себя загнал в угол.

Серенко снова и снова повторял себе, что есть масса безобидных объяснений ситуации – даже если это труп. Женщина могла умереть случайно. Пьяная упала в озеро и утонула. На нее напали дикие звери. Словом, произошедшее ужасно, чудовищно, однако никакой угрозы другим людям не несет.

А потом в лесу нашли мертвую Дашу Виноградову. Это произошло далеко от фермы, Дашу вроде как не убивали, и все же с тех пор Серенко не находил себе места. Страх в его душе нарастал, охотник уже не сомневался, что, стоит только рассказать о мертвой женщине полиции, и его непременно сочтут хотя бы сообщником. Если полиция и не обвинит, то это сделают люди. Почему молчал? Может быть, если бы сказал сразу, убийцу нашли бы – и Даша осталась бы жива! Серенко даже злился на Дашу за то, что она вроде как подставила его своей смертью.

Дело почти дошло до нервного расстройства – и тут появились три предполагаемых журналиста, не скрывавших, что их привлекло дело Виноградовой. Да не просто появились, а поселились в домах, принадлежавших Серенко.

Журналисты – это ведь хорошо. Это безопасней, чем полиция. Если с ними договориться, они его оправдают, сами найдут тело, докажут, что Григорий ни в чем не виноват. Ему хотелось поскорее снять этот груз с души, однако страх все равно не отпускал.

Вот поэтому Серенко и начал присматриваться к Таисе. Из всех троих она показалась ему самой безобидной, достойной доверия. Через нее он хотел убедиться, что журналисты действительно занимаются тем, о чем говорят. Ему нужно было просмотреть собранные ими улики, понять, насколько эти трое вообще компетентны, можно ли на них положиться. А чтобы Таиса ничего не заподозрила раньше времени, он притворился местным ловеласом, справедливо рассудив, что о состоянии его здоровья приезжие ничего не знают.

Он уже осматривал дом Таисы, когда она была в отъезде, но ничего толкового не нашел. Теперь Серенко решил повторить попытку в других условиях, когда гостья была внутри.

– Зачем? – удивилась Таиса. – Это же еще больший риск.

– Решил, что улики вы все возите с собой, – буркнул Серенко.

– Гениально! А со мной что планировал делать, если я проснусь?

– С чего бы просыпаться в два часа ночи? Думал, быстренько крутанусь и уйду...

– Но если бы я все-таки проснулась?

– Притворился бы, что соблазнять пришел, получил бы отказ и ушел. Ничего страшного!

– Кроме моих десяти инфарктов, – закатила глаза Таиса. – Ну и что нам теперь делать?

– Проверять, – отозвался Матвей. Вот уж у кого было такое выражение лица, будто ничего особенного не происходило. – Утром он отведет нас к озеру и покажет, где именно видел тело.

– Я туда не пойду! – запротестовал Серенко. – Весь смысл был как раз в том, чтобы с полицией разговаривали вы, а не я!

– Но ты же понимаешь, что твои интересы никого особо не волнуют? Хотя буду честен: ты мало что потерял. Мы бы все равно не стали осуществлять твой план, даже если бы ты попросил вежливо. Теперь ты просто утратил право голоса.

– Я вас никуда не поведу!

– Тут еще одна ваза есть, – напомнила Таиса. – И много других интересных предметов.

– Вы не можете меня пытать! – побледнел Серенко. – Это противозаконно!

– Да еще и хлопотно, а мне и так высаться не дали, – поморщился Гарик. – Лично я об тебя руки морить не буду. Я просто сообщу полиции, что ты, пытаясь кадрить Таису, в пьяном бреду выболтал, что убил женщину и спрятал тело в озере.

– Что?! Но это неправда!

– Не мне доказывать будешь. Вот тогда ты все равно укажешь путь к озеру, только уже не нам. Ну так что? Не проще ли сделать по-хорошему?

– Ладно! Хотя, чувствуя, с вами все равно будет по-плохому...

Идти к заброшенной ферме в темноте не рвался никто, тут и опытный охотник не помог бы найти путь. Им предстояло дождаться позднего зимнего рассвета. Гарик вообще уговаривал Таису остаться дома, переждать, пусть хоть кто-то из них полноценно отдохнет. Таиса в ответ вполне справедливо указывала, что оставшуюся вазу можно разбить не только об голову Серенко, а вообще об любую, и лучше кое-кому не нарываться. Сошлись на том, что насилие – не выход, а к озеру пойдут вчетвером.

Им повезло хотя бы в том, что день выдался ясный. При пасмурной погоде ждать, пока по-настоящему рассветет, пришлось бы на час-полтора дольше. Теперь же они покинули деревню, как только небо начало светлеть, на машине добрались до нужного участка леса, дальше пошли пешком.

– И что, ты постоянно на такие расстояния здесь шляешься? – удивился Гарик, покосившись на Серенко.

– У меня снегоход есть, а летом – квадроцикл. Но вы все на него не поместитесь!

– Мы и не претендуем. Я смотрю, нормально так глухая провинция живет... снегоход, квадроцикл...

Пробираться через лес было тяжело, ноги тонули в снегу, приходилось обходить ямы и перелезать через поваленные деревья. Однако на этот раз Таиса была готова к такому испытанию: помогал комбинезон, купленный как раз перед этой поездкой. Ее спутникам, ограничившимся теми же куртками, которые они носили в Москве, приходилось куда сложнее.

Наконец стены древнего леса расступились, выпуская их на впечатляющую просторную поляну – видимо, раньше здесь была огороженная территория фермы, но за минувшие годы природа понемногу возвращала ее в свои владения. Теперь о присутствии человека напоминали два больших заметенных снегом здания – прямоугольное административное и полукруглые своды хлева. Озера тоже хорошо просматривались со стороны, но они казались естественной частью пейзажа. Их то ли сразу делали неправильной формы, то ли время и бури внесли свои корректизы. В любом случае они больше не смотрелись творением рук человеческих.

Сплошная пелена снега указывала, что желающих прогуляться по ферме не было уже давно. Серенко повел их к меньшему из озер, оно располагалось ближе к лесу и было полностью сковано льдом, даже границу воды было сложно определить из-за снежных заносов.

Но охотник и правда хорошо знал эти места, он без сомнений привел своих спутников к нужному берегу и указал себе под ноги.

– Вот. Здесь это было.

– Уверен? – уточнил Матвей.

– Да я эту дрянь в жизни не забуду!

– Ладно, отойди пока.

Таиса и Серенко остались на высокой части берега, Матвей и Гарик спустились вниз. Сначала они размели снег, но под ним обнаружился лишь крепкий лед. Впрочем, из него чуть заметно пропадали какие-то коряги, хотя бы в этом Серенко не соврал.

Таиса понятия не имела, что они будут делать дальше, что могут сделать... Но к ней за советом и не обращались. Гарик достал из рюкзака фальшфейер, дернул за шнур, поднес вспыхнувшее кроваво-красное пламя к ледяной поверхности.

То, что он таскает такое с собой, даже не вызывало вопросов. Таиса перестала удивляться его запасам после истории с дымовой шашкой. Теперь она прекрасно понимала фразу Форсова о том, что у каждого свои методы.

Полностью плавить лед Гарик не собирался, это могло навредить телу – если оно действительно там было. Он убрал только верхний слой, так, чтобы лед стал гладким и почти прозрачным.

А больше ничего и не понадобилось. Когда он отвел фальшфейер в сторону, даже издалека стало видно, что в черной клетке коряг белеет хрупкое женское тело, так и оставшееся в озере...

***

После такой находки разразился скандал, но иначе и быть не могло. Гарик ожидал чего-то подобного, а потому ко всему отнесся спокойно. Он не мешал работать полиции, не лез с

советами, ходил на все допросы и невозмутимо отвечал даже на самые каверзные вопросы. Он знал, что его и остальных будут в чем-то подозревать, и не возмущался этому. Разве он на месте полиции не подозревал бы тех, кто целенаправленно отыскал во льду тело?

Больше всех досталось, разумеется, Серенко. Но он сам виноват: если бы он сразу сообщил о мертвом теле, проблем было бы куда меньше, чем он ожидал. Своей трусостью он здорово помешал следствию, и Гарик считал вполне справедливым наказанием за это то, что охотника задержали на несколько дней для выяснения всех обстоятельств.

Остальных задерживать не стали, отпустили после допроса. Вести себя все равно нужно было осторожно, иначе их никакие связи Форсова не защитили бы. Так что первые сутки Гарик потратил на заслуженный отдых: наконец отоспался, нормально поел, пришел в себя. Остальные сделали то же самое, хотя с меньшей охотой, они как раз рвались в бой. Гарик не видел в подобном энтузиазме ничего героического: если вовремя не подождать, можно все испоганить.

Тело из озера забрали и отвезли на вскрытие. Заниматься этим предстояло все тому же Олегу Наумову, поэтому можно было не сомневаться: всю необходимую информацию они получат. Матвей так и вовсе собирался лично осмотреть труп при первой возможности. Гарик с ним ехать не планировал: у него не было ни необходимых медицинских знаний, ни желания смотреть на мертвую женщину, которая не один месяц пролежала в холодной воде.

Но и без дела Гарик не остался. Он вернулся к тому, от чего их отвлекла диверсия Серенко: сбору данных о подозрительной четверке из Охотничьей Усадьбы. Теперь, когда в лесу отыскали вторую мертвую женщину, он не сомневался – эти сведения еще понадобятся.

Тroe «золотых мальчиков», конечно же, учились в престижных вузах, и Гарик сильно сомневался, что их туда приняли за академические успехи. Места в Охотничьей Усадьбе всегда бронировал Евгений Третьякович. Он получил туда доступ благодаря рекомендации отца – опытного дипломата, который и сам раз в год приезжал поохотиться, не забыв при этом заказать гостевой сертификат. Гарик подозревал, что до охоты там не доходило.

Евгений же превзошел отца во всем. Он приезжал в Усадьбу хотя бы раз в сезон и притаскивал с собой и друзей, и нескольких безымянных гостей, которые на проверку, скорее всего, оказались бы гостями. Причем гости наверняка менялись, а вот друзья оставались теми же. Сергей Чернецов и Ник Каратников, судя по записям в соцсетях, были друзьями детства Евгения. Они часто путешествовали вместе, постоянно засыпали Интернет фотографиями из таких поездок и только для Охотничьей Усадьбы делали исключение.

Репутация Евгения и Ника была безупречна. Сергей, будущий врач, оказался втянут в небольшой скандал: однокурсница устроила ему травлю в соцсетях за то, что он якобы пытался ее задушить. Но дело быстро замяли, девушка принесла публичные извинения и вообще забросила ведение аккаунтов.

От этой компании разительно отличался Антон Левченко, парень из небогатой семьи, поднявшийся на любви толпы наблюдать за чужой жизнью. Пусть даже бездарной, лишь бы скандальной. Он снимал все, что только мог, ввязывался в неприятности, если камера была включена. Он завоевал популярность и то и дело воспевал своих друзей из «мужского клуба» – так он называл компанию Третьяковича, Чернецова и Каратникова. Но и он сумел обойтись без съемок в Усадьбе.

Это, конечно, интриговало. В самой Усадьбе не было подобных запретов, другие гости без сомнений выкладывали фото и видео оттуда. Но не эти четверо... Они там были – но их будто и не было. Никто не доказал бы, что они там отдыхали... если бы, конечно, не добрался до базы данных отдела продаж.

Этого все равно было маловато, и Гарик решил задействовать свою «армию клонов». Для похожих случаев у него уже не первый год было больше двадцати аккаунтов в соцсетях, оформленных на самых разных людей. Он был пожилыми поэтами, молоденькими студентками, опытными экспертами... Гарик следил за тем, чтобы контент в соцсетях регулярно обновлялся, так что мало кто заподозрил бы правду. Такие аккаунты были ему нужны для общения с теми, кто по каким-то причинам не захотел бы говорить с Гариком Дембровским.

Вот и теперь он разослал несколько сообщений друзьям и знакомым четверых предполагаемых охотников. Это могло вообще ни к чему не привести, зато и усилий особых не требовало, поэтому Гарик обычно начинал именно с такой проверки.

Мгновенного ответа не было ни от кого, а потом уже Гарику стало не до наблюдения за компьютером – потому что в Змеегорье вернулся Матвей. Он казался непробиваемо равнодушным, как всегда, будто в его поездке не было ничего особенного. Но те, кто знал его достаточно хорошо, без труда догадались бы, насколько сильно он измотан.

То, что это заметил Гарик, было предсказуемо. Удивляло скорее то, что перемена в настроении Матвея не укрылась и от Таисы. Девушка, обычно не сдерживавшаяся в выражении неприязни, теперь притихла, ожидая, когда он заговорит. А может, так просто совпало, уверен Гарик не был.

Они собирались в доме Таисы, она даже потрудилась приготовить ужин. В кафе тоже было неплохо, полупустой зал становился отличным местом для многих разговоров… Но не для всех. Жизненный опыт подсказывал Гарику, что беседы с частым повторением слов «труп», «убийство» и «насилие» лучше приберечь для более приватной обстановки.

– Ну как? – спросила Таиса, когда все они устроились за столом.

– Теперь уже расследование точно будет. Этую убили и изнасиловали. На несчастный случай не спишешь…

– Но начнут всеми силами доказывать, что это убийство не связано со смертью Даши, – заметил Гарик. – Потому что иначе – серия, а серии не любит никто.

– Полагаю, ты прав. Там пока доказать, что они не связаны, проще, чем их связь. Что бы ни было уготовано Виноградовой, она спаслась от этого. Не спаслась бы – мы бы точно знали, один человек это устроил или нет.

– Мы бы вообще ничего не знали, потому что ее бы не нашли, – возразила Таиса. – В некотором смысле это все заслуга Даши… Личность второй девушки установлена?

– Нет, конечно, каким образом? Лицо сильно пострадало за месяцы, проведенные в воде, никаких личных вещей у нее с собой не было. Из одежды – только летнее платье.

– А белье?

– Ничего больше – ни белья, ни обуви.

– Дашу пустили бегать по лесу голой, эту – в одном платье… Определенное сходство есть.

– Мы не знаем, пустили ее бегать или просто убили в лесу, – напомнил Гарик.

– Она бежала, – сухо указал Матвей. – Там… там все было достаточно жестоко. Сначала ее заставили бежать через лес…

– Ты уверен, что это было до изнасилования? – спросила Таиса. – Может, ее насиловали, а она вырвалась и убежала в лес?

– Это не я уверен, это Наумов так считает. Изнасилование было травматичным, так он сказал. Он считает, что после такого эта женщина не то что бежать не смогла бы – ходила бы с трудом. В то же время характер травм на ее ногах намекает, что она именно бежала через лес.

Несчастную погнали через чащу, как дикого зверя. Кожу на босых ногах пробивали острые ветки, женщина падала, спотыкаясь о поваленные стволы. Она была покрыта синяками и ссадинами, но все равно заставляла себя подниматься и двигаться дальше. Ужас в ее душе заглушал боль, и это тоже роднило ее с Дашой.

Но в какой-то момент ее отчаянная борьба за жизнь закончилась: преследователь выстрелил из охотничьей винтовки и попал в ногу. Вряд ли это было случайностью, скорее всего, он так и хотел – и это указывало на поразительную меткость. Пуля раздробила колено, женщина упала на землю, подняться она уже не могла.

Гарик не хотелось даже представлять, что она тогда почувствовала. Боль, сводящую с ума, страх, лишающий воли… Она наверняка плакала. Скорее всего, умоляла своего преследователя о пощаде. Но он не подарил ей даже милосердие быстрой смерти.

– Она либо упала на живот, либо он сам перевернул ее на живот, – указал Матвей. – В любом случае, следующий удар был нанесен в спину.

Преследователь орудовал острым охотничим ножом с длинным лезвием – и орудовал очень умело. Удар был таким же точным, как выстрел. Одно уверенное движение, и нож вошел между позвонками, оставляя жертву полностью парализованной.

– Наумов сказал, что попасть вот так случайно почти невозможно, – добавил Матвей. – Тот человек точно знал, что делает, к какому результату это приведет.

Когда стало ясно, что жертва уже никуда не денется, преступник изнасиловал ее. Матвей не стал вдаваться в подробности того, какие именно травмы и как были тогда нанесены, а Гарик не спрашивал. Это ничего не меняло для профайлеров. Оставалось лишь надеяться, что та женщина, если она все еще была жива, потеряла сознание и ничего не чувствовала.

Наигравшись со своей добычей, убийца перерезал ей горло. Изнасилование было для него действием, полным страсти. Но все остальные ранения он наносил быстро, грамотно, чуть ли не профессионально. Тут не нужно было становиться опытным профайлером, чтобы догадаться, ради чего он это затеял, что доставляло ему истинное удовольствие.

В озеро женщина попала уже мертвой, воды в легких Наумов не нашел. Убийца не стал привязывать к ней никаких камней, он закрепил тело между корягами так, что оно не должно было всплыть... Оно и не всплыло, его нашли иначе.

– Все равно не понимаю, почему он оставил тело так близко к берегу, – нахмурилась Таиса. – можно ведь было утопить поглубже... После такого правильного подхода – такое нелепое решение!

– Я бы не назвал его нелепым, – указал Матвей. – В этом озере иногда плавают приезжие, я узнавал. Но к корягам они бы не полезли, предпочли бы более пологий и чистый спуск в воду. Если бы они стали нырять с масками, они увидели бы труп на дне, озеро неглубокое. Опять же, к корягам никто бы присматриваться не стал. Ну а главное, изначально тело было спрятано глубже.

– В смысле? Оно все-таки сдвинулось?

– Нет. Уровень воды в озере был другим. Наумов предполагает, что женщина была убита в конце октября, тогда вода стояла выше. Но ноябрь выдался сухим. К концу месяца, когда тело и обнаружил Серенко, озеро значительно обмелело.

– Теперь понять бы, с чем мы работаем, – вздохнул Гарик. – У нас в руках одна мозаика или кусочки двух разных? Во втором случае много данных для психологического профиля по методу убийства и общему поведению, но полный ноль в плане жертвы. О жертве мы знаем в случае Даши, но неясно, охотился ли за ними один тип... Или типы, потому что четверку из Усадьбы я бы не стал отмечать. Но нам бы хоть в основах разобраться!

– Есть еще кое-что, что нужно учесть.

Матвей достал телефон, открыл фотографию и показал остальным. Сначала Гарику показалось, что он зачем-то снял грязную половую тряпку. И лишь спустя пару минут до него дошло, что это платье, аккуратно разложенное на металлическом столе. В прошлом светлое, белое или кремовое с розовыми цветами, а теперь посеревшее, пропитанное грязью и озерной водой, да еще с пятнами, о происхождении которых не хотелось даже думать...

Платье, в котором нашли мертвую женщину. Через лед Гарик его толком не рассмотрел, но догадаться было несложно.

– Таиса, ты не могла бы подняться и повернуться к нам спиной? – поинтересовался Матвей.

– Если на мне ты собрался проверять, насколько хорошо в спину входит нож, – сразу нет.

– Не переживай, здесь все равно нет подходящего по размеру ножа.

– Умеешь ты приободрить...

Таиса окинула их мрачным взглядом, но просьбу все-таки выполнила. Матвей первым подошел к ней, Гарик последовал за ним. Фотография на смартфоне оставалась открытой, позволяя в любой момент взглянуть на платье.

Матвей протянул вперед руку и осторожно провел пальцами по спине девушки. Таиса заметно напряглась, однако с места не сдвинулась.

– Смотри, платье порвано здесь и здесь. Я прав?

– Я, вообще-то, в свитере, – заметила Таиса.

— Не принципиально, он достаточно обтягивающий. Гарик, у тебя более точный глаз. Я прав или нет?

Гарик пару раз взглянул на снимок и на спину Таисы, но скорее для проверки. Он и так все определил, еще когда Матвей показывал ему нужные места.

— Мой точный глаз говорит, что все именно так.

— Пуля попала в колено, это ниже подола платья. А вот нож... Ножом он ударил сюда. — Матвей прижал два пальца к позвоночнику девушки, едва заметно пропадающему сквозь тонкую шерсть свитера.

— Но там ткань платья не порвана...

— Вот именно.

— Она была голой, когда бежала через лес, — догадалась Таиса. — И когда он ударил ее... А уже после, убив, он ее одел.

Она, кажется, поверила сразу, а вот Гарик до сих пор сомневался.

— Знаете, не факт... Может, он стащил с нее платье, а потом ударил ножом?

— Травмы на теле тоже намекают, что через лес она бежала голой. Синяки она могла получить и через ткань, но вот царапины и порезы... Тут как раз более уязвима обнаженная кожа. Да и снять с нее платье до того, как ее парализовало, было бы непросто.

— Она была в ужасе... — еле слышно произнесла Таиса. — Она бы отбивалась изо всех сил, извивалась... Это оставило бы следы сопротивления.

— Которых не было, — кивнул Матвей. — Ну и этот удар в спину требует предельной точности. Его можно нанести, если ты придавил жертву к земле. А если она извивается и ни на миг не останавливается — нельзя. Только не с первой попытки.

— Это все-таки серия, — подытожила Таиса. — Полиции мы этого пока не докажем, но сами можем учесть. Он хотел поступить с Дашей так же, как с этой женщиной... Но Даша сбежала благодаря метели или чему-нибудь еще, не знаю... Слишком многое совпадает: то, что он раздевал их, что гнал по лесу, что насиловал только после поимки, хотя изначально Даша наверняка была в его власти, раз он заставил ее раздеться... Эти случаи можно объединять.

— И у нас мигом появляется больше знаний о преступнике, что хорошо, если не учитывать один не особо маленький нюанс: эти знания противоречат друг другу.

Гарик не хотелось спорить ради самого процесса, он действительно так считал, да и остальные должны были заметить. Убийца, которого они разыскивали, пробуждал такой ужас, что жертвы убегали от него, не обращая внимания на боль. Но при этом он внушил достаточное доверие Даше, которая не спешила садиться в машину даже к знакомым, не то что посторонним. Он изнасиловал несчастную женщину, как дикий зверь, однако он же нанес удар с хирургической точностью. Он был методичен, и он играл с судьбой, ставя на кон свою свободу или даже жизнь. Животная страсть и ледяное спокойствие.

Вроде как ничего не сходится, однако Гарик знал, что у такого сочетания могло быть много объяснений. И одно из них с учетом всех обстоятельств напрашивалось само собой...

— Как вариант, мы ищем группу преступников, а не одного, — сказал Гарик. — И все несоответствия объясняются тем, что речь идет о чертах разных людей.

— А ты не пытаешься подогнать реальность под ту версию, за которую уже зацепился? — засомневался Матвей.

— Не знаю, — честно признал Гарик. — Но разве у нас есть другие версии? На что-то еще мы сможем надеяться, когда будет установлена личность женщины из воды... Если она вообще будет установлена! Так почему бы пока не рассмотреть со всех сторон эту теорию?

— Ну и как ты ее рассматривать собрался? — удивилась Таиса.

— Диверсией!

— Гарик, какой еще диверсией? Тебя после истории с дымовой шашкой на километр к Охотничьей Усадьбе не подпустят!

— Во-первых, меня и шашку напрямую не связали, меня к Охотничьей Усадьбе по другой причине не подпустят, — невозмутимо указал Гарик. — Во-вторых, я и не собирался соваться туда

легально. Тут цель такая, что лучше приходить ночью и без приглашения – чтобы никто вообще не знал, что мы там делаем.

– Та-а-ак... Что ты задумал? И откуда вдруг вылезло это «мы»?

– Потому что один я, может, и справлюсь, но риск будет выше. Да и вам зачем скучать? Сделаете себя полезными!

Эта идея появилась у Гарика еще до возвращения Матвея. Теперь же, когда шансы того, что за убийствами стоит целая группа, увеличились, отступать было некуда.

Изучая базу данных, Гарик обратил внимание на то, что малолетки постоянно требуют поселить их в один и тот же коттедж – у менеджеров об этом стояла пометка. В Охотничьей Усадьбе дома ничем не отличались, это он видел своими глазами, и вряд ли столичных мажоров привлекал вид из окна – он, кстати, тоже везде был одинаковым.

Они были умны – их осторожность с соцсетями доказывала это. Если они творили в коттедже нечто противозаконное, они понимали, что никакая уборка не уничтожит всех следов. С этой точки зрения им выгодней было держать под контролем всего один дом, чем регулярно проводить зачистку всей Усадьбы. Гарик почти не сомневался: если дело вдруг дойдет до официальной полицейской проверки, именно этот дом мистическим образом сгорит.

Но ведь об официальной проверке и речи не шло, Гарик как раз был заинтересован в том, чтобы никто ни о чем не узнал.

– Допустим, мы туда прoberемся, – задумался Матвей. – Какие выгоды?

– Ты всерьез это рассматриваешь? – поразилась Таиса. – Нет там никаких выгод, что бы мы ни нашли в доме, это нельзя будет использовать против них!

– Зато мы будем знать, – указал Гарик. – А со знания начинается очень многое. Что же до выгод... Как получится. Минимум, на который мы можем рассчитывать, – следы крови на их территории. Кровь можно смыть, но полностью избавиться от нее нереально.

– Зато и найти ее очень сложно. Как ты намерен это сделать?

– Посредством люминола и ультрафиолетового фонарика.

– У тебя есть люминол? Правда? Откуда?

– Из рюкзака, – невозмутимо отозвался Гарик.

– И зачем я только спросила... После дымовой шашки следовало принять все, что угодно, по умолчанию. Окей, допустим, будут следы крови. Но мы даже не сможем определить, что это кровь убитых женщин, не то что доказать это...

– Ты опять лезешь в сферу полицейской работы, – вздохнул Матвей. – А должна мыслить как профайлер. Доказывать что-то в суде – не твоя задача. Твоя задача – добывать информацию, формирующую психологический портрет.

– Это, опять же, на минималках, – подчеркнул Гарик. – Если повезет, я доберусь хотя бы до некоторых компьютеров.

– Ты еще и хакер?

– Промышляю по чуть-чуть тем, другим...

– У меня остался только один вопрос, – мрачно объявила Таиса. – Ученики Форсова сходят с ума сразу или это постепенный процесс?

– Тут уж как повезет, – развел руками Гарик.

План импровизированного вторжения у него тоже был. Во многом полагающийся на удачу, такого Гарик обычно старался избегать, но сейчас не получалось. Они ни за что бы не выяснили, когда четверо отдыхающих покинут коттедж, да еще и одновременно. Значит, пробираться внутрь нужно было ночью, когда проще всего угадать, чем они заняты.

– Там два этажа, у всех домов планировка одинаковая, хвала трехмерной экскурсии на их сайте, – сообщил Гарик. – Спальни расположены сверху. Снизу – кухня, гостиная с камином, столовая. Они могут спать где угодно, но предположим все-таки, что на втором этаже. А вот куролесили они наверняка на первом. Мы прoberемся туда, осмотримся и свалим. Если очень повезет.

– Мы втроем?

– Вдвоем – Матвей и я. Втроем мы подойдем только к забору.

Гарик и правда не видел смысла лезть туда всем троим. Он бы попытался справиться даже без Матвея, однако в последний момент решил не рисковать. Если эти молодчики проснутся и застукают его там, они полицию вызывать не будут, разберутся сами. И вот тут как раз необходим Матвей, который драться умеет и сделает так, что они выберутся из коттеджа при любом раскладе.

Для Таисы тоже нашлась роль: девушке предстояло наблюдать за домом издалека и предупредить своих спутников, если хотя бы в одном из окон мелькнет свет. Сама Таиса считала это пренебрежением... И напрасно. Гарику было бы спокойней оставить ее в Змеегорье, а не бросать одну в лесу, где женщин убивают. Но кто-то действительно должен был следить за окнами, выбора не оставалось.

Они отправились к Охотничьей Усадьбе в час ночи – зная, что немало времени уйдет на дорогу. Воспользовались обездынным путем, чтобы их автомобиль даже близко не видели к нужному повороту, оставили машину на расчищенной площадке и больше сорока минут шли через лес, подсвечивая себе путь фонарями.

Гарик всерьез беспокоился за их спутницу. Сам-то он легко мог вынести такое, за Матвея тем более переживать не приходилось – тот еще лось. Однако Таиса выглядела такой хрупкой и на нее в последнее время так много свалилось... Он понятия не имел, что будет делать, если она сейчас не справится и потребует вернуться.

Но Таиса молчала, да и страдающей она не выглядела. Болтать она не собиралась, но было бы странно, если бы она в таких обстоятельствах чирикала бодрой птичкой. Девушка двигалась вперед с той же скоростью, что и ее спутники, она о чем-то задумалась и даже не смотрела по сторонам.

Когда они добрались до пологих холмов, расположенных неподалеку от Охотничьей Усадьбы, Таисе пришлось остановиться. Это было лучшее место – достаточно отдаленное, чтобы остаться незамеченной, достаточно высокое, чтобы видеть окна нужного коттеджа. Со всех сторон девушку закрывал молодой ельник, он сдерживал ветер, и тут было даже чуть теплее, чем в низине.

И все равно Гарику было неспокойно – он даже не ожидал, что эта часть плана окажется самой тяжелой. А следовало бы. Все они прекрасно понимали, что, если на Таису нападут здесь, они не успеют вовремя прийти на помощь. Да и не найдут ее в темном лесу, который ночью казался бесконечным.

Но сама Таиса не выглядела обеспокоенной этим – или умело делала вид, что не беспокоится. Она не попыталась заболтать их, задерживая возле себя, она просто кивнула, позволяя идти дальше. Гарик то и дело оборачивался, стараясь разглядеть на фоне снега одинокую фигурку, но ее нигде не было видно.

Его усилия завершились с сообщением Таисы, полученным через радио:

– Прекрати, шею свернешь. Кстати, прибор ночного видения работает. И радио. И я работаю, а ты фигней страдаешь.

– А потом женщины жалуются, что в мире не осталось рыцарей! – возмутился Гарик.

– Ну так и веди себя, как рыцарь, а не крути башкой, как его конь.

– Однажды ты пожалеешь, что не послушал моего совета и не проголосовал за то, чтобы ее не отправляли с нами, – заметил Матвей.

– Как будто у Форсова хоть раз срабатывало голосование...

В Охотничьей Усадьбе некоторые окна еще горели, но совсем мало. Никаких обходов охраны здесь даже предусмотрено не было. Хозяевам лесного курорта и в голову не могло прийти, что кто-то полезет к домам, полным нетрезвых вооруженных людей. Ну а главное, темнота поселилась в нужном им коттедже.

Они проникли на территорию Усадьбы через калитку, одну из тех, которые обычно выпускали охотников в лес. Замок тут был примитивный, Гарик потратил на него больше минуты лишь потому, что на морозе металл заледенел, да и пальцы в перчатках успели замерзнуть.

Пробраться в коттедж было так же просто, дверь на застекленную террасу можно было чуть ли не спичкой открыть. Гарик невольно подумал, что тут и маньяк бы справился: просто разбил

стекло и проник внутрь. Это, конечно, заметили бы, вызвали полицию, но тех, кого он успел зарубить топором, такой исход вряд ли утешил бы.

Внутри коттедж выглядел так, как и полагалось выглядеть жилищу четырех юных избалованных холостяков: повсюду мусор, небрежно брошенные объедки, какие-то пятна... Это было любопытно: получается, они или не пускали сюда горничных, или делали это очень редко.

Бардак пока стал самым шокирующим открытием. В захламленной гостиной Гарик и Матвей не обнаружили ни зловещих луж крови, ни тем более мертвых тел. Правда, в воздухе завис стойкий запах чистящих средств и какой-то гнили. Но одного этого было недостаточно ни для обвинений, ни для выводов.

Прежде чем заниматься проверкой первого этажа, Гарик собирался сходить наверх и поискать компьютеры и телефоны, но тут вновь ожила рация.

— Ребята, сейчас нужно сидеть очень тихо, — прошептала Таиса. — Как мышки! Наверху свет.

Гарик даже отвечать не стал. Он замер на месте, не пытаясь спрятаться. Дергаться сейчас было глупо: движением он бы выдал себя быстрее, а толкового укрытия здесь все равно не было. Матвей, похоже, тоже так считал, потому что и он выжидал.

Предупреждение Таисы оказалось своевременным: наверху зазвучали шаги. Они были неспешными и одинокими, значит, это не реакция на вторжение. Кто-то прошелся по коридору, ненадолго шаги затихли, после затянувшейся паузы послышался звук смыва. Шаги возобновились — по тому же маршруту, только в обратную сторону.

Через несколько минут снова заговорила Таиса:

— Все, погас свет, удачи вам!

Гарик зачем-то кивнул, хотя понимал, что она его не видит. Ему сейчас было не до таких мелочей, он быстро подгонял план под ситуацию. Понятно, что наверх соваться уже нельзя. Тот, кто только что бродил там, не успеет крепко заснуть, даже если не совсем трезв. Им нужно было быстренько все тут проверить и валить...

Или не только.

— Найди роутер, — велел он своему спутнику. — Это такое устройство...

— Я выгляжу как человек, который не знает, что такое роутер? — перебил его Матвей.

— Конечно, ты же сегодня очки не надел! Вот был бы в очках — я бы сразу понял, что ты грамотный.

— А если по делу?

— Найдешь роутер — подсоедини к нему вот это. — Гарик протянул ему небольшой прибор. — Там по проводу понятно будет, куда. Сейчас от этого ничего не будет, но в идеале эта приятная мелочь даст мне возможность добраться до их девайсов.

Гарик не стал добавлять, что для каждой попытки ему придется приезжать сюда — а значит, много часов торчать в зимнем лесу, сейчас было не до того.

Пока Матвей был занят поиском роутера, Гарик провел контрольный осмотр комнаты. В гостиной в бледном свете ультрафиолета предсказуемо обнаружились следы спермы и прочих телесных жидкостей, но не так много, как можно было ожидать, и гордиться четырем молодчикам было явно нечем.

Ну а потом настал черед люминола, который должен был сделать заметной кровь, если таковая здесь вообще была. Пока Гарик наносил на все доступные поверхности спрей, вернулся Матвей и отчитался:

— Подсоединил. Я бы сказал, что твоя игрушка заметна, но в этом бардаке незаметным останется даже комодский варан.

— Тем лучше для нас. Давай посмотрим, ронял ли тут кто кровавую соплю, и отчалим.

Покончив с подготовкой, он снова включил ультрафиолетовый фонарик. Гарик ожидал, что если кровь тут и будет, то немного, в предсказуемых местах — рядом с пятнами спермы. Но к тому, что они увидели, ни один из них не был по-настоящему готов.

Сияние вспыхнуло повсюду. Бледно-голубое, почти белое, оноказалось нереальным — призраки, слетевшиеся к живым... На полу просматривались лужи и следы волочения, на стенах

вились сетями длинные тонкие потеки, и даже до далекого потолка, на который Гарик распылил люминол скорее ради шутки, просматривались пятна мелких брызг.

Здесь, в этой мирной на первый взгляд гостиной, не так давно происходило нечто такое, после чего все вокруг осталось залитым кровью...

Глава 10

Хотелось весны. Николай Форсов счел бы это желание старческим, если бы оно не появлялось у него каждую зиму с ранней юности. Этот цикл оставался неизменным: Николай радовался обновлению, которое приносил с собой первый снег, однако под конец сезона безумно уставал от черно-белого однообразия.

В этом же году зима и вовсе напоминала ему бесконечную ловушку. Он прекрасно знал, что не поехал со своими учениками из-за болезни, и это был правильный поступок. Но в последние дни Николай чувствовал себя намного лучше – почти как раньше... И в такие моменты ему хотелось сорваться, все-таки отправиться туда, потому что в лесу возле Змеегорья творилось слишком много странного.

Но – нельзя. Ему почему-то нравилось думать, что летом было бы можно и во всем виновата зима.

Теперь ему только оставалось, что сеансы по видеосвязи. Любопытно было наблюдать, как в такие моменты все трое собирались вместе, Форсов ожидал, что общаться с ним они будут по одному. Однако он не тешил себя надеждами на то, что они стали одной командой. Они не дети, которые быстро ссорятся и быстро мирятся. Но уже то, что они сумели преодолеть личные амбиции и поняли, что сейчас лучше не разделяться, внушало уважение.

– Я связывался со знакомыми в полиции, – сказал Николай. – Вас никто ни в чем не подозревает.

– Это как раз было предсказуемо, – кивнул Матвей. – Нам ничего невозможno приписать даже при самой большой твердолобости. Время смерти уже установлено, у нас у всех есть алиби. Что по Серенко?

– У него толкового алиби как раз нет: живет один, большую часть времени шатается по лесам. Поэтому за него и ухватились... пускай. Реальных улик против него нет, его освобождение – вопрос времени.

Жалости к этому их знакомому Николай не испытывал. Неприятности Григория Серенко были не так уж велики и могли стать достойным наказанием за то, что из-за него расследование серьезного преступления оказалось отложенным на много месяцев.

– Так значит, личность второй жертвы удалось установить? – спросил Гарик.

– Хронологически она первая жертва, – уточнил Матвей.

– А формально никто не объединял эти дела, – напомнил Николай. – Но – да, теперь известно, кто эта девушка. Она числилась в розыске, однако пропала она в другом регионе, поэтому никто и не думал искать ее здесь. Хотя, справедливости ради, никто вообще не знал, где ее нужно искать.

– Как так вышло? – удивилась Таиса.

– Она была автостопщицей.

Двадцатилетняя Майя Ярчак прекрасно знала, что ее хобби опасно, однако отказываться от него не собиралась. Путешествия она обожала, а денег у нее не было – потому что деньги нужно зарабатывать, а к этому у Майи душа не лежала. Николай не раз за свою жизнь сталкивался с такими людьми: их угнетала стабильность, рутину они считали болотом, убивающим их. Им нужно было постоянное движение, адреналин, новые впечатления... Некоторые со временем перерастали это, некоторые оставались такими навсегда. Майе не суждено было узнать, к какой категории она относится.

При этом совсем уж наивной дурочкой девушка не была – она путешествовала автостопом с шестнадцати лет и всегда избегала неприятностей. Она очень внимательно подходила к выбору того, к кому садилась в машину, предпочитая женщин или водителей с детьми. Если же ей доводилось сесть в машину к одинокому мужчине, она всегда отправляла родственникам фото номера – просто чтобы подстраховаться.

Но однажды Майя перестала выходить на связь. Этому не предшествовало ничего особенного, накануне она была бодра и весела, ее интересовали места с красивой осенней

природой. Созваниваясь с матерью последний раз, она была за сотни километров от места, где позже обнаружили ее растерзанное тело.

– Получается, точного пункта назначения у нее не было? – поинтересовался Гарик.

– Она определяла такие пункты по пути, общалась с местными. Майя нигде не работала и не училась, спешить ей было некуда. Часть средств ей выделяли родители – из жалости. Но часть она зарабатывала сама, выполняя разовые поручения во время путешествий. Она называла это приключением и бесценным опытом на всю оставшуюся жизнь.

– Которая в итоге не случилась как раз из-за такого опыта, – невесело усмехнулась Таиса. – Можно ли предположить, что Майя попала в неприятности из-за денег?

– Ее мать считает, что нет, что Майе в любой ситуации было свойственно здравомыслие. Но матери всегда видят своих детей в особенном свете, так что, думаю, в реальности все возможно.

– Получается, у нас уже две общие черты между жертвами, – задумался Гарик. – Или даже три, как посмотреть… Они обе были в уязвимом положении, но обе знали об этом и проявляли повышенную осторожность. Их заманили в ловушку вопреки этому… И обе были связаны с малолетками из Охотничьей Усадьбы.

– Во-первых, они не такие уж малолетки, – указал Матвей. – Во-вторых, эта связь – по большей части твои домыслы.

– Да ладно! Даша была беременна от кого-то, кто ездил на арендной машине Усадьбы. Майя нуждалась в деньгах и могла как-то связаться с богатенькими мальчиками!

– Гарик, то, что ты сейчас назвал, и есть домыслы, – покачал головой Николай. – Но вот первые общие черты я считаю верными. Убили двух практических, достаточно благородных девушек. Дарья была вынуждена путешествовать одна. Майя этого хотела, однако наверняка соблюдала осторожность, если раньше избегала неприятностей. Какие выводы из этого можно сделать?

– Тот, кто заманил их в машину, выглядел достаточно благонадежным и не вызывал мгновенного страха, – ответил Матвей. – По какой-то причине они были уверены, что он не нападет. Если мы говорим о четырех подозреваемых, работающих в группе, забирать девушек от дороги мог один, а убивать – другой.

Им пришлось сделать паузу, когда в комнату Форсова вошла Вера. Никто ее не стеснялся и не пытался что-то от нее скрыть, она сама просила пореже обсуждать при ней убийства. Она поставила перед мужем поднос с чайником и чашкой, помахала рукой в камеру и поспешила уйти. По комнате расползался запах ромашки и специй. Николай прикидывал, что лучше сказать сейчас – он ведь все-таки был наставником. Раз уж он не мог помочь своим ученикам, нужно было хотя бы облегчить им работу.

– Четыре человека, вместе совершающие преступления, – это много, – задумчиво произнес он. – И чем серьезней преступление, тем ниже вероятность такого объединения.

– Групповые изнасилования случаются не так уж редко, – вздохнула Таиса.

– Увы. Но чаще – спонтанные. На группу из четырех человек распространяются принципы психологии толпы, а толпе не так уж сложно объединиться в страхе, агрессии или похоти. В толпе, как вы знаете, индивидуальное мышление или отключается, или теряет приоритет. Иными словами, то, что человек делает в группе, он мог никогда не сделать, находясь в одиночестве. Он даже пришел бы в ужас от этого поступка, если бы нечто подобное предложили ему в иных обстоятельствах.

– Но толпа работает по-другому, – усмехнулся Матвей. – Делай как все, чтобы быть как все. Делай как все, чтобы нечто подобное не сделали с тобой. Будь лучше нападающим, а не жертвой, раз роли всего две.

При нем обсуждать такие темы всегда было сложно, хотелось даже отступить, но Николай сдержался. Это будет слишком очевидно, да и Матвей давно уже доказал, что способен держать себя в руках.

– Так вот, раз мы заговорили о преступлениях, совершенных толпой, будь то изнасилование или убийство, нужно понимать их преобладающую хаотичность, – продолжил Николай. – Толпа ничего не планирует. Но если преступление совершается, эмоции зашкаливают, здравый смысл

отключается, действия производятся грубо, следы заметаются плохо. А главное, толпа образуется для преступления и распадается после него. Здесь же речь идет о подготовке, слаженных действиях и устраниении улик. Вот это как раз редкость. Чтобы подобного рода преступления совершались группой снова и снова, должен быть лидер и должны быть ведомые, полностью подчиненные ему. Те, кто реально заинтересован в преступлении, и те, кто просто вынужден участвовать. Часто это очень разные люди с психологической точки зрения. Но именно те, кто меньше всего заинтересован в преступлении, способны вызвать наибольшее доверие со стороны жертв. Как ни парадоксально, именно они обеспечивают успешность преступлений.

– Но они же могут стать слабым звеном, – отметила Таиса.

– Верно. Сейчас, исходя из того, что вы знаете, вы можете определить ведущих и ведомых в этой группе?

– Нет, пока скорее предположения, – признал Гарик. – Вряд ли ведущим будет блогер, он присоединился к группе последним, остальные трое – друзья детства...

– До его появления они могли не совершать преступлений, – возразил Матвей. – Возможно, схема нападения и стала его вкладом в компанию. Поэтому он остается с этими тремя, хотя он в группе определенно чужеродный элемент.

– Тебе обязательно со мной спорить?

– Я просто указываю на все возможные варианты.

– То, что они тут ни при чем, тоже возможный вариант, – вмешалась Таиса. – Если мы и дальше будем сомневаться, мы никуда не продвинемся. Другое дело, что вот прямо сейчас мы не сможем назвать их лидера.

– Постарайтесь разобраться в этом. Несмотря на то, что смерть Майи будут расследовать полноценно, пока нет ни одного основания подозревать клиентов Охотничьей Усадьбы. Обеспечьте такие основания.

Ему нечего было больше им сказать, хотя долгая речь не слишком утомила Николая. Он первым отключил связь, но из-за стола не встал. Если бы Вера принесла чай в чашке, напиток давно бы остыл. Но его жена была достаточно опытной, чтобы использовать чайник.

Теперь Николай грел руки о теплый фарфор и размышлял о том, что услышал сегодня и раньше. Он сам пытался составить профиль убийцы, и результат получался не совсем таким, как у его учеников. Но Форсов напоминал себе, что там, на месте, можно увидеть больше, правы, скорее всего, они, а не он, запертый в Москве...

Да и потом, комнату, залитую кровью, нельзя было оставлять без внимания ни при каком раскладе. Николай снова и снова напоминал себе, что они должны справиться. Матвей уже можно считать достаточно опытным, Гарик талантлив во многом, у Таисы отличная интуиция... Это были хорошие аргументы. Подходящие. Те, которыми он бы легко успокоил кого-то другого...

И все же чувство приближающейся беды так и не покинуло его окончательно.

***

«Нам, девочкам, нужно держаться вместе!» – набрал на смартфоне Гарик и сразу же отправил сообщение. В ответ он получил целый набор смайликов, которые должны были подтверждать, что девочкам вместе и правда лучше, а мужики – создания во всех отношениях ненадежные. На этом диалог можно было считать законченным.

Телефон почти разрядился, пришлось срочно искать провод. Да и немудрено – столько часов непрерывного обмена сообщениями! Но оно однозначно того стоило.

Когда Гарик закидывал «пробные удочки» в виде сообщений знакомым их подозреваемых, он не ждал ничего по-настоящему серьезного. Чаще всего на такие сообщения не отвечали, иногда не могли рассказать ничего по-настоящему важного, а тут он определенно на золотую жилу нарывался.

Ему удалось пообщаться с девушкой, которая когда-то пыталась обвинить Сергея Чернецова в нападении. Естественно, откровенничать именно с Гариком она бы ни за что не стала. Поэтому и пришлось использовать женский профиль, назвавшись потенциальной возлюбленной Чернецова. Вроде как они с Сережей уже близки, но что-то в нем не так... Вот тогда обиженнная девушка и выдала все, что знала.

Но она с самого начала настаивала на анонимности, потому что при первой же попытке рассказать о том, что на самом деле нравится идеальному студенту Чернецову, ей чуть жизнь не сломали. Причем занимались этим не юные мажоры, а их родители. Получается, студентов прикрывают хотя бы в этом... Может, и в чем-то еще, куда более серьезном?

Размышлять о таком самостоятельно Гарик не хотелось, совещания нравились ему куда больше. Поэтому, разобравшись с телефоном, он отправился искать своих спутников.

Таисы дома не оказалось, дверь была заперта, на стук никто не открывал. Гарик при желании мог бы вскрыть замок и посмотреть, что внутри, но это казалось слишком большой наглостью даже ему. Не было ни единой причины подозревать, что Таиса ушла не добровольно – может, ей просто прогуляться захотелось!

Зато Матвей был дома, он только что откуда-то вернулся, даже куртку снять не успел, а потому дверь открыл сразу.

– Есть тема! – с порога объявил Гарик. – По нашему маньяк-бэнду. А ты где был?

– Проверял кое-что. Но не могу похвастаться таким же уровнем достижений, никакого прорыва. Заходи. Ты все равно зайдешь, зато теперь это выглядит так, будто у меня есть какой-то авторитет в нашем общении.

– Не нуди, скоро сам будешь прыгать от радости из-за того, что я пришел!

– Ты хотя бы представляешь себе эту картину?

Но отвечать Гарик не собирался, он уже направился в дом. Из собственного жилища он выскочил налегке, без куртки, успел замерзнуть и теперь не отказался бы согреться хотя бы кофе. На кухне он с хозяйской уверенностью включил чайник и достал две чашки, Матвею оставалось только выбрать, что тот будет пить.

Когда с подготовкой было покончено, Гарик повернулся спиной к столу и торжественно объявил:

– Я почти раскрыл дело!

Матвей, только что вошедший на кухню, мог бы восхититься хотя бы ради приличия. Однако он оставался все таким же равнодушным, будто ему когда-то нарисовали на лице одно выражение и запретили менять до скончания веков.

– Выкладывай, – только и сказал он.

Гарик пояснил нехитрую схему получения данных. Собеседник не был удивлен, Матвею было прекрасно известно про «коллекцию клонов». Все-таки жалко, что Таиса так не вовремя надумала куда-то уйти... Она бы, может, реагировала эмоциональней.

– Ты ведь понимаешь, что любую информацию, полученную из такого источника, нужно проводить через фильтр женской обиды? – полюбопытствовал Матвей, наполняя чашку заваркой. – Насколько я понял, твоя информаторша и Сергей Чернецов встречались.

– Недолго и она его бросила, так что обижаться не на что! Ты главное послушай...

Сергей Чернецов был даже более любопытной личностью, чем ожидал Гарик. Репутация у парня сложилась почти безупречная: ребенок богатых родителей, будущий медик, да еще и демонстрирующий реальные успехи в учебе. Сергей планировал стать хирургом, и мало кто сомневался, что у него получится.

– Хи-рур-гом, – по слогам произнес Гарик. – Понимаешь, да?

– Понимаю, что ты намекаешь на ту точность, с которой нанесли удар Майе.

– Это же на виду! Хирург бы знал, куда бить!

– Не факт. Ты уточнил его специализацию? К тому же, Чернецову двадцать один год, он вряд ли достиг того уровня мастерства, при котором можно добиться полного паралича с одного удара.

– Почему тебе обязательно нужно все портить?

– Это не цель. Цель – не дать тебе зациклиться на идее, которая тебе нравится, игнорируя ее недостатки, – пояснил Матвей.

– Ладно, допустим, но это не единственный косяк, связанный с Чернезовым. Он действительно ту девушку душил! И не только ее... Она потом уже начала узнавать, делал ли он такое раньше. Оказалось – делал, он даже этого не замечает за собой... Ну а главное, знаешь, что ей удалось выяснить?

– Не знаю, но ты сейчас расскажешь.

– Он даже свою сестру душил! В детстве. Младшую. Ты ведь понимаешь, что это значит?

– Что это *может* значить, – поправил Матвей. – Опять же, женская обида...

– Обиженка до такого бы не додумалась. Ну и я пошуршал на тему этой сестры. Такая действительно есть, младшая. Никогда ни на что не жаловалась открыто, но с семьей не очень ладит, как только ей исполнилось восемнадцать, свалила в Исландию и с тех пор не возвращалась. В Исландию! Насколько нужно человека достать, чтобы он спрятался среди льдов и вулканов?

– В Исландии красиво.

– Даже не начинай, – закатил глаза Гарик. – Я, конечно, не такой крутой мастер профайлинга, да и не претендую, но и я могу сказать, что это поведение подавленной жертвы. Человека, с которым в детстве случилось что-то плохое, а помощи он не получил – зато получил нагоняй, что еще больше увеличило травму.

Тут даже Матвей с его скептицизмом вынужден был сдаться:

– Хорошо, это можно допустить. Но ни Дарью, ни Майю не душили.

– Дарью не догнали, а Майе перерезали горло – тоже с шеей связано, как по мне. Может, именно этого он и хотел, но перерезать горло родной сестре и остаться безнаказанным было проблематично... Но на нем одном дело не заканчивается, ты дальше слушай! Леся эта признала, что при всех своих косяках Чернецов все равно ведомый. Что ему Третьякович скажет – то и сделает. Не потому, что такой покорный, а потому, что Третьякович к демократии не склонен. Если кто с ним спорить начинает – может сразу ударить. А за преступки посеръезней может и более изощренное наказание придумать, например, пробежаться по улице без одежды. Ничего не напоминает?

– Студенческие игрища напоминает.

– Тогда лови еще факт: однажды он выклянчил у Чернецова пакет донорской крови. Знаешь, для чего? Чтобы свою девушку во время секса облить – вот так на него вид крови действует!

– Это, кстати, объяснило бы обилие крови в Охотничьей Усадьбе.

– Ты издеваешься? – поразился Гарик.

– Кто-то должен оставаться официальным представителем здравого смысла. Про остальных двоих твой информатор в юбке что-нибудь знает?

– Ника Картникова назвала очень милым, по нему вообще вопросов не было. Антон Левченко, это который блогер, цитирую: «Козел, у которого из каждой дырки по камере торчит». Конец цитаты. Похоже, в компанию он был принят ради пиара. Снимает вообще все, но публикует только то, что прошло цензуру со стороны Третьякова. Что скажешь?

С ответом Матвей не спешил, он задумался о чем-то, помешивая чай. Гарик за это время выпил чашку кофе и нацелился на вторую. Происходящее по-прежнему представлялось ему головоломкой, которую нужно решить, – а не чьими-то трагедиями. Может, это и было не совсем правильно, но по-другому не получалось.

Когда рядом была Таиса, сочувствовать людям у него выходило лучше. Это обстоятельство ему еще предстояло обдумать.

– Судя по тому, что узнал ты, и добавлению уже имевшихся данных, главный у них Третьякович, – наконец сказал Матвей. – Опять же, мы изначально допускаем, что преступление действительно совершили они. Тогда Третьякович получает удовольствие от вида крови и, возможно, насилия. Чернецов отчасти разделяет его увлечения, поэтому помогает в охоте. Блогер Левченко вряд ли отличается человеколюбием и железными принципами, раз с такой настойчивостью лезет в компанию, где он лишний. Он мог подыграть, просто чтобы укрепить свою репутацию, а потом стало поздно давать задний ход. Не нравится происходящее только Картниковой, он ведомый – и он может стать необходимым нам слабым звеном.

– Во-о-от! У тебя планшет есть? Показать кое-что хочу.

Отвечать Матвей не стал, он просто сходил в другую комнату, а вернулся уже с планшетом. Гарик нашел в социальной сети нужный профиль, покопался среди видео – он все это изучил

накануне, знал, что искать. Наконец он запустил ролик, вернул компьютер Матвею, а сам занялся второй чашкой кофе.

На видео веселилась под рев музыки группа молодых людей – кто-то устроил новогоднюю вечеринку. Хозяевам квартиры оставалось только посочувствовать: после такого собрища требовалась не уборка, а ремонт. Кто-то уже отключился, кто-то вернул миру все съеденное и выпитое накануне – прямо на роскошный светлый ковер. Обычная студенческая тусовка, интересная разве что присутствием на ней нынешних подозреваемых.

Блогера Левченко сюда не пригласили – видимо, его готовы были принимать только в узком кругу. Третьякович сидел на диване в окружении полуоголых девиц, льнувших к нему, как кошки. Чернцов довольствовался только одной девушкой, танцевавшей с ним. Эта тоже была не совсем трезва, зато дорого одета, явно из золотой молодежи. Он что-то шептал ей на ухо, она широко улыбалась, наверняка предвкушая прекрасный вечер.

Был тут и Ник Каратников. Он, удручающе трезвый, старался держаться в стороне, ближе к окну, там, где было прохладней. В руках он сжимал бокал шампанского, добытый непонятно где: на столе стояли в основном бутылки с пивом и водкой. Судя по страдальческому выражению лица, Каратников просто ждал, когда все это закончится. Почему не уходил – непонятно. Видимо, кое-кто не разрешал.

Оператору столь скромное поведение категорически не понравилось. Он подобрался вплотную к Каратникову, зачем-то начал прижимать камеру к его лицу. Видимо, пьяному сознанию казалось, что это феерически смешно и вдохновляет на подвиги. Каратников сдержанно улыбался, отстраняя от себя смартфон. Голос он не повысил ни разу, но то и дело косился на диван, на котором сидел Третьякович. Скоро оператор решил, что такого душнилу уже не спасти, и переключился на попытки засунуть смартфон под юбку проходившей мимо девушки. На этом запись оборвалась.

– Видел, а? – спросил Гарик, как только затихла музыка. – Он там самый адекватный, и он явно боится Третьяковича.

– Не явно. Но, полагаю, ты прав. Хотя на ролике есть и еще кое-что очень интересное и гораздо более важное для нас.

– Э... Что?

– Иди и посмотри.

Это было даже обидно: Гарик продемонстрировал этот ролик как одно из доказательств своего успеха, он не ожидал, что Матвей умудрится превзойти его даже здесь.

Однако Матвей оставался в своем репертуаре: он видел куда больше, чем способен был заметить простой смертный. Он вернул видео на минуту назад, в момент, где Каратников отбивался от оператора, и поставил запись на паузу.

– На руки его посмотри, – велел он. – Только внимательно.

Уточнение было лишним, Гарик и сам уже обнаружил, что упустил при первом просмотре. Его оправдывало лишь то, что движение было очень быстрым, кадр – размытым... Хотя Матвей все заметил. Ну и черт с ним.

Руки Каратникова были покрыты порезами – уже зажившими и совсем свежими. Порезы были неглубокими, не требующими не то что швов, бинтов даже. Но их количество и срок нанесения предполагали, что это не несчастный случай, это некая норма, пусть и извращенная. Порезы ровными рядами исчезали под рукавом, и сложно было сказать, докуда они тянутся.

– Возможно, это вариант наказания со стороны Третьяковича, – предположил Матвей. – Тот самый способ сохранять контроль над своим окружением.

Что ж, хотя бы тут Гарик мог его превзойти, отыгравшись за упущенную деталь:

– Может быть, но я думаю, что Каратников селф-хармит.

– Что? С чего ты взял, что он наносит их сам?

– Во-первых, ни у кого другого в окружении Третьяковича я таких порезов не видел, а ведь это могло бы стать фирменным методом наказания! Во-вторых, порезы нанесены так, как удобней резать самому, а не со стороны. Видишь? На левой руке намного больше, чем на правой,

и они ровнее. В-третьих, есть еще кое-какая информация о Каратникове, которую я не упомянул, потому что сам в ней не смог разобраться. Но теперь я догадываюсь, что к чему.

Опытным хакером Гарик не был, однако умел много такого, что в любой цивилизованной стране мира выходило за рамки закона. Благодаря устройству, оставленному в Охотничьей Усадьбе, он смог скопировать часть данных с телефонов гостей. Проверил он пока не все, зато заглянул в личный банковский кабинет Каратникова.

Поэтому Гарик теперь знал, что Ник нередко снимал со своего счета крупные суммы. Что он делал с ними дальше – определить было невозможно, но такое всегда происходило вскоре после возвращения из Охотничьей Усадьбы.

Тогда Гарик действительно не понял, к чему это, а сейчас кое-какая ясность появилась.

– Есть подозрение, что он передает эти деньги или жертвам, которые выжили, или родственникам погибших. Налик невозможно отследить, и это легко сделать анонимно.

– Опять же, домысел.

– Да, но очень хорошо сочетающийся с самоистязанием, согласись!

– Соглашусь, – вздохнул Матвей. – Он похож на человека, который испытывает сильное чувство вины перед своими жертвами. Остановить насилие он не может из-за страха перед Третьяковичем, зато пытается наказать себя и компенсировать вред, чтобы добиться хоть какого-то внутренней гармонии. Он действительно слабое звено. Наша основная задача – работать с ним.

– Второстепенная, – поправил Гарик. – Основная задача у нас все-таки другая.

– Это какая же?

– Разобраться, где, черт побери, носит нашу девочку!

***

Сюрприз получился неприятным, и Таиса до сих пор не понимала, каким чудом умудрилась скрыть свое недовольство. Они ведь договаривались с Еленой и до последнего момента все было в силе! О том, что за рулем будет Андрей Алексин, она узнала уже возле автомобиля.

– Малая приболела, – виновато сообщил он. – Лене нужно с ней остаться.

– Можем вообще все отменить.

– Ну, мне и самому поехать надо... Так почему нет?

Причин и правда не нашлось – кроме того, что Таисе было не слишком уютно наедине с малознакомым мужчиной. Даже при том, что это не случайный попутчик, что его жена все знает... Глупо, пожалуй. Но слишком уж много Таисе в последнее время пришлось увидеть и узнать, тут у кого угодно нервы бы расшатались.

Куда удобней ей было бы поехать одной, но собственного автомобиля у нее не было, а водить чужую машину по заснеженным дорогам она бы не решилась. Просить своих спутников она не стала, потому что они вряд ли оценили бы причину, по которой она отвлекла бы их на полдня, и тут подвернулся удачный вариант с Еленой, которой тоже нужно было съездить в ближайший городок.

Ну а потом вместо Елены явился ее муж. Видимо, все предугадать невозможно.

После недолгих сомнений Таиса все-таки решилась ехать, рассудив, что измотанные нервы – не повод менять свои планы. Как и следовало ожидать, все прошло отлично, и если сначала она молчала, то на обратном пути даже разговорилась со своим спутником.

– Лена упоминала, что вы очень не любите Охотничью Усадьбу... Это правда?

– А за что ее любить? – помрачнел Андрей.

– Мне казалось, что раз вы охотник, вы оцените такое место!

– Я-то охотник... Но вот кто собран там?

– Не уверена, что понимаю...

– Охота – это тоже спорт, у которого есть свои правила и свое представление об уважении. А те богатеи, что там собираются, в лучшем случае на танке в лес выезжают, чтобы их кто не укусил или самим не замерзнуть... Сплошные понты! Но эти ладно, этих я понять еще могу. А остальные? Приезжают туда, чтобы нажраться и поблевать. Какие они охотники? Я уже молчу про их баб...

– Есть такое замечательное слово «женщины», очень рекомендую.

— Есть женщины, — с готовностью согласился Андрей. — Есть даже охотницы. Но те, кого я там видел, именно бабы. Одетые в какие-то тряпочки, скорее голые, постоянно с кем-то сосущиеся и что-то клянчаше... Ну и отношение к ним такое же. Их там уважают не больше, чем кусок мяса! Вот вы уважаете кусок мяса?

— Перед каждой котлетой извиняюсь.

— Смешно, — хмыкнул водитель. — Но вы поняли, о чем я.

— Да, думаю, поняла.

— Ну и вот. Поэтому я не хочу, чтобы Лена бывала там одна.

— Вы действительно думаете, что на нее кто-то нападет? — удивилась Таиса.

— Напасть-то не нападет, но плятиться будут... Могут даже лапать начать. Они там привыкли, что все женщины на одно лицо. Они реально не знают имен тех, кого с собой привозят! И лица толком не запоминают. Я несколько раз видел, как они там всем кагалом пытались выяснить, откуда какая баба взялась. Так, кажется, и не разобрались! И вот к этим людям я должен отпускать свою жену? Нет уж, если она так хочет с ними работать, потому что это важно для ее кафе, я лучше буду сам заказы отвозить!

Таиса попыталась вспомнить рассказ Гарика о том, как чувствовала себя Елена на территории Охотничьей Усадьбы. Нормально, кажется, чувствовала, вполне уверенно... ее муж беспокоился больше, хозяйка кафе просто снисходительно относилась к его страхам, а заодно и позволяла выполнять за нее часть работы. Она-то знала, что на самом деле Охотничья Усадьба не такое уж страшное место... Если не считать один очень особенный коттедж.

Андрей готовился отвезти свою спутницу обратно в Змеегорье, туда, где и забрал. Но к этому моменту Таиса уже достаточно освоилась в его компании, чтобы попросить о небольшом одолжении. В принципе, к нужному месту она могла бы добраться и пешком, однако на машине было быстрее и удобнее.

— Вы уверены, что хотите туда? — насторожился Андрей. — Я не смогу вас сопровождать, мне нужно к семье ехать...

— Так я и не прошу! Только подвезти меня.

— Это не совсем безопасно.

— Я в городе купила снегоступы и планирую вернуться до темноты, так что все в порядке. Хотя если вам неудобно, я все понимаю, я не настаиваю!

— Нет, просто я... Хотя ладно, что я лезу, в самом деле? Вы только учтите: телефон у нас в лесу ловит не везде. Если останетесь без связи, вы не пугайтесь, а просто ищите новое место.

— Обязательно учту.

Они миновали деревню, не остановились там, поехали дальше. Андрей, как она и просила, высадил ее в лесу. Таиса ожидала, что испугается хотя бы теперь — он ведь не зря ее предупреждал, он во всем был прав.

Однако страха почему-то не было. Таиса шла через глухую чащу, но думать получалось лишь о том, как прекрасны занесенные снегом деревья. Словно настоящей шубой укрыты, ветки прогибаются под тяжестью, остро пахнет хвоей — как будто Новым годом, хоть он уже и прошел... Возможно, таким образом ее сознание защищалось от образов обнаженных, покрытых кровью девушек, боровшихся здесь за свою жизнь. Таиса не знала наверняка.

Она то и дело проверяла мобильный — звонить никому не собиралась, просто следила за связью. Андрей сказал правду: сигнал то исчезал, то появлялся, но хорошо уже то, что он был так далеко от цивилизации. В какой-то момент начали прилетать обеспокоенные сообщения от Гарика и даже один нейтральный вопрос от Матвея. Обоих Таиса заверила, что с ней все в порядке и она совершенно точно знает, что делает.

Через несколько часов она устала, да и небо начало менять цвет. Нужно было возвращаться, но прежде Таиса хотела еще раз осмотреть заброшенную ферму, раз уж оказалась рядом. Конечно, полицейские все тут обыскали, когда забирали тело. Однако они ведь не знали, кого подозревать... Возможно, они случайно упустили то, что могло указать на клиентов Охотничьей Усадьбы?

Таиса миновала озеро, снова скованное льдом, зашла в бывший хлев. Здание, давно покинутое и людьми, и животными, теперь смотрелось причудливым ангаром, пережившим апокалипсис. Сначала здесь ставили самолеты, потом спасались от зомби, а свиней и вовсе не было... Забавная мысль, но она легко приживалась среди серых стен и белых снежных заносов, проникших внутрь через выбитые окна.

Как и следовало ожидать, ничего толкового в заброшенном хлеву не было... А если и было, снег надежно скрывал это. Но Таиса хотя бы отогрелась в защите от ветра и готова была возвращаться в деревню.

Вот только уйти ей так и не позволили. Она как раз выходила из здания, когда кто-то перехватил ее. Он подкрался сзади, неожиданно тихий, наверняка хорошо знающий эти места. Таиса даже не подозревала, что рядом кто-то есть, пока ее шею не пережали удушающим приемом, не позволяя больше сделать ни единого вдоха.